

Евангелие от Иуды

(пять драматических новелл)

Действие I

Новелла первая

«Любимый» ученик Христа

Действующие лица:

Макс (Максимилиан Волошин)

Вячеслав (Вячеслав Иванов)

Саша

Виктор

Картина I

Полутемное пространство авансены. Посреди - круглый стол темного дерева без скатерти, позолоченный канделябр с зажженными свечами, чернильный прибор. За столом два кресла, в одном из них сидит мужчина, пишет письмо, поднимает голову от письма, смотрит в пространство. Становится хорошо видно его лицо: буйная копна волос – львиная грива, небрежно зачесанная назад, высокий лоб, широко раскрытые глаза, пышная борода, усы.

Мужчина встает. Он невысок, плечи широкие, но какие-то по-женски мягкие, толст, нескладен, руки коротковаты, голова непропорционально велика для тела, но он поразительно легко движется. Начинает ходить туда-сюда вдоль авансены. Расстегнутые полы просторного сюртука то и дело разлетаются от порывистых движений, ослабляет галстук-бант на шее. Бормочет про себя, потом говорит, как будто разговаривает с невидимым собеседником.

Мужчина: Милая Аморя, сейчас только вернулся от Василия Васильевича. Был очень шумный спор. На моей стороне были Розанов и Ремизов. Против Петров. У Ремизова есть легенда о таком Иуде... (Сам себе). Да, да, прав, конечно, я! (Садится к столу, пишет).

Тихо входит другой мужчина. Высокий, худой, стройный, в темном длиннополом сюртуке, белоснежный воротник сорочки над темным галстуком-бантом. На длинном лице небольшая остроконечная бородка-эспаньолка, усы, гладко выбритые щеки, длинные рыжеватые волосы ореолом обрамляют лицо. Пенсне на тонком заостренном носу. Из двух мужчин в комнате второй напоминает Дон-Кихота, первый – Фальстафа.

Второй мужчина (негромко): Макс!

Мужчина у стола не поднимает голову, пишет.

Второй мужчина (громче): Макс!

Макс (поднимает голову): Да! Прости, ты так тихо ходишь... Не услышал... Сейчас...

Ставит точку на листе, берет пресс-папье, сыплет песок, стряхивает.

Второй мужчина: Маргарите?

Макс: Да...

Складывает письмо, разглаживает сгибы. Второй мужчина, подойдя к столу, внимательно наблюдает за его манипуляциями. Макс, глянув в глаза собеседнику:

- Вячеслав, а, что ты бы сказал про Иуду Искариота?

Вячеслав пожал плечами. Макс пытливно смотрит на него. Вячеслав отодвигает кресло, садится немного в стороне от стола, чтобы можно было вытянуть ноги, складывает руки «башенкой», соединяя кончики пальцев. В его манере разговора проглядывает снисходительность, он говорит с Максом, как учитель с учеником.

Вячеслав: У вас с Диотимой ⁽¹⁾ явно родственные черты – задавать неожиданные вопросы ...

Внимательно смотрит на Макса.

Макс (смеясь): Я знаю о ком..., об Аморе ⁽²⁾, да?

Вячеслав (с нажимом): Мы с Зинаидой хотели, чтобы Маргарита жила здесь... Мы срослись... Я чувствую пустоту неостывшего места...

Макс (перебив): Маргарита приедет...

Вячеслав (остро): Она писала тебе?

Макс: Да. (Небрежно). Я не склонен ограничивать ее свободу..., я дарю своих друзей друг другу и страдаю, если между ними не возникает взаимной любви...

Вячеслав (с облегчением): Знаю, ты – гесеодит

Макс (весело): Гесеод - самый справедливый из греческих певцов!

Встает из-за стола, заворачивается в воображаемое греческое одеяние, вытягивает руку:

- «Всякий дающему даст, не дающему всякий откажет...»

Вячеслав чуть насмешливо наблюдает за пантомимой, кивает головой. Макс перехватывает его взгляд, оба смеются.

Вячеслав: Человеческий индивидуализм..., мы тащим в жизнь искусственные ограничения, а потом от них же страдаем. Должно строить отношения на другом, более чистом фундаменте... Зинаида правильно говорит про колечки и кольца (декламируя): «Океану любви наши кольца любви!».

Макс шумно отодвигает кресло дальше от стола, садится вытягивая ноги.

Макс (легко): Конечно! Зинаида – жрица - Диотима... Принести на алтарь свое чувство во имя разделения его с другой (поправляется) с другими, со всеми... (Воодушевленно). Отдавать любимых! Отдавать, не сожалея, тогда жертва станет действительно бескровной!

Вячеслав: Экстатической во имя высшего идеала творчества!

Макс: Человек отпал от природы, от ее вечного движения, где нет ничего личного, но все во всем, все совместно... Ты прав, когда говоришь о невозможности существования человека вне всеобъемлющей созидательной силы!

Вячеслав: Постой... (Достаёт из кармана сюртука листок, читает): «Дионис, сын божий и бог страдающий, жертвует целокупностью своего божественного бытия, отдаваясь на растерзание жадно поглощающей его материальной, или «титанической», стихии. Эта стихия еще не может слиться с ним целостно, в любви, но приобщается его светлому естеству путем насилия и космического преступления, которое и обуславливает страдание...»

Макс (восторженно вскакивает): «Жертвует целокупностью божественного бытия!» Ты подтверждаешь мою правоту!

Вячеслав (явно довольный реакцией Макса): В чем?

Макс (не отвечая): Это твоя новая работа..., ты говорил вчера о ней?

Вячеслав: «Дионис и прадионисийство», так будет назваться... (немного высокомерно), это, разумеется, наброски..., так в чем я тебя подтвердил?

Макс встает, ерошит кудри. Несколько раз пробегает вдоль стола, моментами чуть ли подтанцовывая, что выглядит удивительно и немного комично. Вячеслав смотрит на него, ждет, за пробежкой всегда следует тирада.

Макс (бежит вдоль стола): Потрясающее совпадение... (Увлекаясь, говорит очень быстро). Иуда пожертвовал собой ради Христа! Он главный апостол! Его служение в вечном проклятии от людей! Никто не знает, что он вернейший ученик, предавший учителя ради прославления! (Вячеславу) Понимаешь?! Дионис так же предает аполлоново единство божественных сущностей ради множественности! Не может быть единства любви, единства Эроса! Он разлит везде!

Вячеслав взмахнул руками.

Вячеслав: Implicite! ⁽³⁾ (Снисходительно). Ты, как всегда перескочил с одного на другое, Макс!

Макс останавливается, идет к креслу, садится в преувеличенно спокойной позе.

Макс: In medias res ...⁽⁴⁾ (Говорит, делая паузы). Иуда - охранитель и собиратель. Но он становится высшим среди двенадцати, самым мощным, самым посвященным из апостолов. (Помолчав). Божественный Агнец должен быть заклан на алтаре рукою жреца, и рука эта должна быть чиста и тверда. (Помолчав). «Один из вас предаст меня» - это не упрек, а вопрос: кто из вас примет на себя бремя заклания? И каждый из апостолов робко спрашивает: «Не я ли, Господи?».

Делает жест рукой, как будто протягивает что-то кому-то.

Тогда Христос обмакивает хлеб в соль, что обозначает передачу своей силы, и дает Иуде. Иуда выходит из собрания апостолов, приняв на себя подвиг высшей жертвы и высшего смирения.

Вся гордость, мудрость и мощь законов, образующих и живящих материю, в лице Иуды принимает на себя великую жертву унижения, смирения и позора, ибо подвиг Иуды - в его позоре и поругании. Таким образом, мы получаем тот же триод - Иуда - жрец, вождь - Петр и пастырь Иоанн.

Вячеслав смотрит на Макса, встает, прохаживается вдоль стола, складывая ладони, как в молитве и снова разнимая. Останавливается, опирается рукой о спинку кресла, на котором сидит Макс, смотрит ему в лицо.

Вячеслав: Макс, дорогой, прости..., Ты сошел с ума?

Макс (невинно улыбаясь): Если только от потрясения ...

Вячеслав: Понятно... Вы об этом говорили у Розанова ⁽⁵⁾?

Макс: Спорили и очень горячо.

Вячеслав: Ты нарочно меня мистифицируешь?

Макс поворачивается в кресле, смотрит на Вячеслава с нарочито простодушным выражением лица.

Макс: Почему ты так решил?

Вячеслав отходит от Макса, какое-то время стоит к нему спиной, пауза. Вячеслав поворачивается, серьезно, без тени прежней снисходительности.

Вячеслав: Я, конечно, знаю о гностиках ⁽⁶⁾, понимаю Франса⁽⁷⁾, но...

Макс: О гностиках только из речений отцов церкви, Франса как философа, а об аббате из Нотр-Дама ты слышал?

Вячеслав: Нет... Ремизов ⁽⁸⁾ говорил что-то такое...

Вячеслав садится напротив Макса в свое кресло, снова вытягивает ноги, наклоняет голову, складывает кончики пальцев. Макс встает рядом с креслом, он изображает того, о ком рассказывает, во время рассказа двигается так, что в конце оказывается за спиной Вячеслава.

Макс: Так вот, некий аббат был постоянно занят мыслью о вечном наказании. «Если есть на земле человек, который может быть осужден Господом на вечные муки, то это только Иуда, предавший Христа».

Останавливается и заглядывает в лицо Вячеславу.

Как тебе кажется, логично?

Вячеслав сделал неопределенный жест, пожал плечами.

Макс (продолжает говорить и двигаться): Тогда он избрал Иуду в молитвах своих. Однажды ночью, молясь в соборе, он обратился к Христу с безумной молитвой:

Макс становится на колени перед воображаемым алтарем, изображая аббата, который застыл в молитвенном экстазе:

- Я верю... Я хочу верить, Господи, что Иуда любимейший ученик Твой и что он теперь в царстве небесном, одесную Тебя. Но я маловерен, Господи! Дай знак мне, что это так!

Встает, обходит кресло Вячеслава, который в задумчивости уставился в пространство.

Макс (очень тихо): И в это мгновение он почувствовал, как на плечо его легла тонкая, горячая рука, в которой он узнал руку Иуды.

Кладет руку на плечо Вячеслава. Вячеслав подпрыгивает от неожиданности, сбрасывает руку Макса.

Вячеслав: Господи, Макс!

Макс очень довольный смеется.

Макс: Ну, как?

Вячеслав еще не совсем оправился от испуга.

Вячеслав (довольно резко): Средневековая готическая сказочка... Макс, ну, как можно быть таким легковерным... Если принять на веру твои умозаключения, то можно знаешь до чего договориться?

Макс (совершенно спокойно): Знаю..., что Агнец, принявший на себя грехи мира вовсе и не Христос, а...

Вячеслав (почти с испугом): Ради Бога, Макс! Для красного словца! Можно говорить такие вещи?!

Макс (спокойно): Не понимаю твоей ажитации... А разве мы сейчас не тоже самое видим?

Вячеслав (ошарашено): Что видим?

Макс: Принятие на себя исторического греха подвигом предательства. Разве террористы из «Народной воли» делали не то же самое? А убийцы из «Союза русского народа»?

Вячеслав вскакивает с кресла, машет на Макса руками.

Вячеслав: Замолчи! Это все равно, что передергивать в карты! Насилие, предательство, злоба не могут служить высоким идеалам! Какой бы высокой целью не оправдывалась ложь и подлость, они такими и останутся... Я положительно запрещаю тебе! Ты готов обрушить на себя громы небесные?! Твое дело! Но не в моем доме!

Макс (успокаивающе): Хорошо, хорошо..., прости! Я не знал, что ты до такой степени суеверен...

Вячеслав достает из кармана сюртука портсигар, спички, долго не может закурить от волнения. Закурив, садится в кресло, некоторое время курит молча. Макс стоит перед ним, разглядывая, как будто первый раз видит, склонив голову набок.

Вячеслав (немного более спокойным тоном): Не в этом дело... Я старше, больше видел и знаю, чем приходится расплачиваться за попытки подменить Божественную правду...

Макс (с любопытством): И, чем же?

Вячеслав (очень серьезно): Суемудрие и заигрывание с Божественной истиной, равно, как и осознанная злокозненность, наказываются ложью возведенной в абсолют...

Макс улыбается и недоверчиво качает головой.

Затемнение.

Картина II

Комната современной квартиры. На авансцене накрытый стол, кофейник, чашки, блюда с закусками, бутылка коньяка, бокалы, блюдце с лимоном. У стола в креслах двое мужчин. На стене напротив стола висит плоский телевизор. На экране действие первой картины – это фильм программы «Культура». Один из мужчин берет с подлокотника пульт, направляет на экран, щелкает кнопкой, выключает звук.

Первый мужчина (обращаясь ко второму): Зачем? Интересно... Культура - единственный вменяемый канал в «зомбоящике».

Второй мужчина: Гнилой «серебряный век», тем более, в изложении наших – бред!

Первый мужчина (потягиваясь): Западные не сыграют... Я тебе поражаюсь, Витюнь! Все бред у тебя бред...

Виктор (разливая коньяк): Чем рассуждать, лучше выпьем, друже. Наполним бокалы и сдвинем их разом, чтоб дружно потом не скатиться в мараzum!

Наливает. Салютует бокалом Саше, пьет, ставит бокал, берет кусок лимона, кидает в рот, морщится.

Виктор (жуя): М-м-м, ха-ра-шо!

Саша (делая глоток): Ты мне все-таки объясни...

Виктор выплевывает лимонную корку в горсть, кладет на блюдечко.

Виктор: «Евангелие от Иуды» - сам заход.

Саша: Неожиданный, тем более, в связи с Волошиным, я даже и не слышал, чтобы он этим интересовался...

Виктор: Погугли... (Слегка раздраженно). Они в этом своем (кивает на экран) считали, что открыли нечто, а на самом деле... (махнул рукой) солдатский бордель и сопливые стишата.

Встает из-за стола, немного отходит от него, ораторствует, плавно поводя бокалом в такт словам.

Виктор: Я даже иногда думаю, что, когда в двадцатые-тридцатые, всех наших символистов, акмеистов, имажинистов и прочих гоняли, были не так уж и не правы...

Саша (серьезно): Связки нет...

Виктор: Между чем и чем?

Саша: Между репрессиями и бардаком. Их уничтожали не за то, что, кто-то у кого-то увел жену.

Виктор: Кстати, Сабашникова – жена Волошина, ушла к Иванову, а жена Иванова, которая Идиотима...

Саша: Диотима...

Виктор (отмахивается): Неважно..., была не против лямур де труа.

Саша: Никакого «де труа» там не было, я читал мемуары Сабашниковой. Иванов, Лидия Дмитриевна и Минцлова, встретили неопытную, красивую девочку, которой хотелось ярких впечатлений, задурили ей голову, а Макс Волошин играл в благородство... Тем более, что на Иванова все из его окружения смотрели снизу в верх..., и было за что...

Саша встает, ходит по комнате.

Это нам с тобой сейчас легко рассуждать, а в 1906-м никто не знал, что в 18-м начнется ленинский террор, а после его смерти - сталинский...

Саша подходит к столу, садится, подливает себе коньяку.

- А ты нашел информацию озабоченной дамочки и обрадовался... Андерсена тоже чуть не в педофилы записали!

Виктор: Дыма без огня... Всем хочется быть белыми и пушистыми для потомков. Ты возьми биографии советских писателей...

Саша (иронично): Особенно дневник Нагибина...

Виктор: Нагибин твой – типичный неврастеник ... Копался в себе и думал, что он Достоевский...

Саша отодвинул кресло, встал, навис над столом.

Саша: Вить, не заводи меня, а то сцепимся!

Виктор (шутливо): Мы ж еще не пили! (Наливает Саше). Давай, не сачкуй!

Саша берет свою рюмку, делает глоток, ходит по комнате, стараясь не смотреть на Виктора.

Виктор: А Минцлова, кто из ху?

Саша поворачивается к Виктору

Саша: Граф Сен-Жермен начала двадцатого века – медиум, теософка и пророчица. Исчезла в 1910 году при загадочных обстоятельствах.

Виктор: Короче, тогдашняя Блаватская... Таки прямо исчезла.

Саша: Последним ее видел Андрей Белый... А в жизни Сабашниковой сыграла роль не очень благовидную.

Виктор выбирает себе бутерброд. Саша замолчал.

Виктор: Ты говори, говори...

Саша (усмехается): А Васька слушает, да, ест ..., развела Сабашникову и с Волошиным, и с Ивановым.

Виктор (жуя): С Ивановым, конечно, ради себя любимой...

Саша (неохотно): По предположениям современников так и было..., но ей тоже не повезло. Иванов после смерти Аннибал женился на ее дочери от первого брака.

Виктор (очень довольный): Вот! Что подтверждает мою правоту!

Саша (сквозь зубы): Ни хрена это не подтверждает... Ты хочешь все видеть под определенным углом...

Виктор: Как и ты... Кстати, кто все время мне цитируешь, «что каждый правый, имеет право»?

Саша: Я..., а спросить-то можно?

Виктор: Спрашивай.

Саша: Ты не обидишься?

Виктор разваливается на кресле, двигает стол чуть в сторону, чтобы было удобно ногам.

Виктор: Не-а. Я принял коньячку, выпил кофею, я добрый!

Саша: Тогда, я тоже еще выпью (делает глоток).

Виктор: Правильно! Мы же с тобой люди творческие, имеем право!

Саша: Нет, Витенька, по сравнению с ними, мы так, пописать...

Виктор: Они раньше родились. Нам труднее пробиваться, у людей мозги наглухо забиты всяким дерьмом. Зато мы себя не выдаем за чего-то необыкновенного. Так и говорим – мы - постмодернистское дерьмо. Это, друг мой, между прочим, тоже подвиг, но тихий!

Саша во время монолога Виктора подошел поближе к экрану, на котором портрет Волошина на фоне его коктейбельского дома. Саша всматривается в портрет.

Саша (машинально): Сказать «я – дерьмо» и наслаждаться тем, что ты признал этот факт, не есть поступок.

Поворачивается, смотрит на Виктора

Виктор: Конечно, (кивает на экран) устроить вокруг себя цветник из баб, которых ты хочешь, и еще при этом делать вид, что, ах, тебе важнее духовная близость, а не самый банальный акт совокупления, куда там нам ...

Саша: Вить, ты им завидуешь?

Виктор: Им? (Кивает на экран). Нет. Честно.

Саша: А почему тогда, о ком бы мы не заговорили, ты, как бы это, поточнее...

Виктор: Они та-ки-е-же, как мы... В каком это фильме: «... под белоснежным мундиром грязная шея, мыслишки о женщинах, он ест, когда голоден, и чешется, если его зудит...»

Саша: «Интервенция»...

Виктор (одобрительно): Ходячая энциклопедия советского кино...

Саша: Там про другое и мы не такие. Все такие выехали из России до 33-го, кто не успел, тех уничтожили. А, если кто-то, по чистой случайности выжил, до конца пятидесятых не могли выехать дальше уральских границ...

Виктор берет кофейник.

Виктор: Кофейку еще? (Саша кивает).

Виктор наливает ему и себе. Саша берет чашку и снова смотрит на экран.

Виктор: Это советские мифологемы..., не надо делать из них супермэнов.

Саша: Не надо лезть в чужую жизнь по самые гланды...

Саша идет к столу, ставит чашку.

- Говорю с тобой и вспоминаю «Доживем до понедельника»: «Словно в истории орудовала компания двоечников...»

Виктор: Ну! И, кто скажет, что ты не советская киноэнциклопедия, пусть первый бросит в меня камень!

Саша (не слушая Виктора): Мандельштам заикался от страха при имени Сталина, Ахматова завидовала Гумилеву и поэтому гнобила их общего сына, Волошин с Ивановым разводили бардак ... Как в таблоиде... Тебя не тошнит от подобных построений?

Виктор наливает себе конька и протягивает бутылку Саше, тот отрицательно мотает головой.

Виктор: Не хотите, как хотите. (Пьет). Александр, у вас масонская психология.

Саша (удивленно): Какая-какая?

Виктор: Масонская. Все, что делали и делают мэтры – хорошо, а остальным ни-ни! А людей, между прочим, больше всего интересуется, как раз, «ни-ни».

Саша: А мы с тобой и все окружающие – зайчики? Особенно те, кто репрессировал Мандельштама, убил Гумилева, Блока голодом заморил...

Виктор: А не лезь в великие, ну, а полез - (разводит руками) имей мужество получить и расписаться .

Саша: Они не лезли, они были другие...

Виктор: Особенно Ахматова, к примеру...

Саша (задумчиво): Да, насчет дерьма в голове..., это ты правильно...

Виктор (гордо-шутливо): Мое собственное, имею права гордиться!

Саша: Удобно, правда? Еже ли что, можно отказаться..., потому, что мы трижды заваренный чай

Виктор пожимает плечами, хочет что-то возразить, случайно задевает кнопку звука на пульте. Голос с экрана заполняет комнату.

Голос Вячеслава: Суемудрие и заигрывание с Божественной истиной, равно, как и осознанная злокозненность, наказываются ложью возведенной в абсолют...

Затемнение.

Диотима ⁽¹⁾ - жрица, жившая (по утверждению Платона) в древней Мантинее (в Аркадии области Д.Г.). Одна из героинь платоновского диалога «Пир». Диотима говорит о происхождении понятия – платоническая любовь. Диотима – прозвище в поэтическом кругу символистов «Башня» второй жены В.И. Иванова Л. Д. Зиновьевой-Аннибал.

Аморя ⁽²⁾ – прозвище данное М.А. Волошиным первой жене М.В. Сабашниковой

Implicite! (лат.) ⁽³⁾ – Запутанно

In medias res ⁽⁴⁾ (лат.) – В самую суть дела (выражение Горация)

Розанов ⁽⁵⁾ – В.В. Розанов (20 апреля (2 мая) 1856, Ветлуга, Костромская губерния, Российская империя — 5 февраля 1919, Сергиев Посад, Советская Россия) русский религиозный философ, литературный критик и публицист.

Гностики ⁽⁶⁾ – в д.с. гностическая секта, почитавшая Каина (каиниты) как первую жертву Яхве, ветхозаветного демиурга, которого многие гностические секты определяли как зло. Каина чтили за то, что, породив идею убийства, он дал людям возможность отвергнуть его и обрести шанс на искупление от первородного греха. Апокрифическое «Евангелие Иуды» считается одной из священных книг каинитов

Франс ⁽⁷⁾ - Анатоль Франс (настоящее имя — Франсуа Анатоль Тибó 16 апреля 1844, Париж, Франция — 12 октября 1924, Сен-Сир-сюр-Луар, Франция) — французский писатель и литературный критик, лауреат Нобелевской премии по литературе (1921г.). В сборнике «Сад Эпикура», (1894 г.) А. Франс писал: «Без Иуды чудо воскрешения не совершилось бы».

Ремизов ⁽⁸⁾ – А.М. Рёмизов (24 июня (6 июля) 1877, Москва — 26 ноября 1957, Париж) - русский писатель был близок к русским поэтам-символистам. Просил Волошина написать свою версию истории Иуды в противовес версии Леонида Андреева.

В новелле использованы фрагменты из:

Журнал «Гэфтер» (<http://gefter.ru/archive/11407>) Г. Гусейнов «Социальные проекции «дионисийства» в биографии Вячеслава Иванова»

В.И. Иванов «Дионис и прадионисийство»

Журнал «Вокруг света» (№5 (2764) май 2004) М. Михайлова «Жизнь и смерть русской менады» (р. «Люди и судьбы»)

М.В. Сабашникова «Зеленая змея»

Информация с сайта <http://jhist.org/code/05-15.htm>

Новелла вторая

Желтая палуба ...

Действующие лица:

Зиновьев Григорий Евсеевич

Товарищ Озолина

Петр Иванович Козлитинов

Карсавин Лев Платонович

Комиссар Богданов

Марианна – дочь Карсавина

Лосский Николай Онуфриевич

Красноармейцы, чекисты

Картина I

Кабинет в два окна. Одно из окон справа от зрителей в глубине сцены, виден только вытянутый переплет, другое – трехстворчатое – прямо. Сквозь стекла окна пробивается серый свет раннего утра. Слева от зрителей дверь в кабинет. На авансцене длинный стол, вокруг него стулья, посреди стола массивная пепельница, в углу письменный стол, на котором высокие штабеля папок и бумаг, загораживающие настольную лампу под серым металлическим колпаком-полукругом, два телефонных аппарата.

За длинным столом мужчина. Темный костюм, белая рубашка, галстук, темные кудрявые волосы всклокочены. Мужчина читает какую-то бумагу. Стук в дверь.

Мужчина (не поднимая головы): Да!

В кабинет входит молодой человек в кожанке перетянутой ремнем, галифе, сапогах.

Молодой человек (обращаясь к мужчине): Товарищ Зиновьев, по вашему распоряжению прибыли члены спецкомиссии ВЧК-ГПУ по Петрограду.

Зиновьев: Пусть заходят.

Встает, подходит к письменному столу, выдвигает ящик, прячет бумагу.

Молодой человек (в дверь): Заходите, товарищи.

В кабинет входят четверо мужчин и женщина. Мужчины в гимнастерках и галифе, женщина в кожаной куртке, которая едва сходится на ее могучей груди, невысокая, приземистая, тусклые темные волосы, зачесаны назад и заправлены под грубый костяной гребень, тяжелое лицо, дуги бровей нависают над маленькими, глубоко сидящими глазами.

Молодой человек (Зиновьеву): По Вашему распоряжению из Петроградского губотдела ГПУ приглашены сотрудники пятого отделения Секретного отдела ⁽⁹⁾, главный по группе – помощник уполномоченного Петроградской Губернской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией товарищ Озолина.

Достает из кармана кожанки мандат, передает его Зиновьеву:

- Рекомендации начальника Петроградского губотдела ГПУ товарища Мессинга ⁽¹⁰⁾, начальника секретно-оперативного управления товарища Менжинского ⁽¹¹⁾, начальника секретного отдела товарища Самсонова ⁽¹²⁾.

Зиновьев (всем): Здравствуйте, товарищи. Здравствуйте, товарищ Озолина ⁽¹³⁾. (Жмет женщине руку). **Обращается к молодому человеку:**

-У нас будет небольшое совещание. Никого ко мне не пускать. Можете быть свободны.

Молодой человек: Есть!

Щелкну каблуками, уходит.

Зиновьев: Садитесь товарищи. (Все рассаживаются).

Зиновьев: Не буду тянуть, сразу возьму быка за рога...

Первая же произнесенная фраза, интонация, выдают оратора. Голос у Зиновьева высокий, почти женский, манера говорить мягкая, но властная.

Зиновьев: По решению ЦК РКП (б) Петроградскому губотделу ГПУ поручено сформировать отдельную комиссию при губотделе по контролю за интеллигенцией города. Начальником комиссии назначен я, нам надлежит выработать регламент работы комиссии...

Озолина перебивает Зиновьева. Тон у нее резкий, почти враждебный.

Озолина: А почему формированием комиссии занимается не пятое отделение и лично товарищ Самсонов, а председатель Петросовета? С каких пор Петросовет вмешивается в работу ЧК?

Сосед Озолиной толкает ее под столом, говорит вполголоса.

Сосед Озолиной (тихо и быстро): Не лезь на рожон!

Озолина раздраженно отмахивается, обращается к Зиновьеву, который выглядит слегка растерянным:

- Я задала Вам вопрос, товарищ Зиновьев!

Зиновьев (раздраженно, отчеканивая слова): Я Вам отвечу, товарищ Озолина! Потому, что ВЧК упразднена от шестого февраля сего года, по предложению председателя Совнаркома Ульянова – Ленина, с передачей полномочий Главному политическому управлению при Наркомате внутренних дел РСФСР, и, потому, что я имею полномочия от товарища Держинского - лично, в решении данного вопроса!

За столом возник небольшой шум, но сразу смолк.

Озолина: Тогда, я от имени своих товарищей прошу предъявить эти полномочия!

Сосед Озолиной (почти громко): Ты, свихнулась? Это друг Ленина!

Озолина (громко): Дружба с кем бы то ни было, не дает право распоряжаться бесконтрольно! Товарищ Зиновьев, мы ждем!

Зиновьев смотрит на Озолину, она отвечает ему вызывающим взглядом. Зиновьев, помедлив, идет к письменному столу, открывает ящик, достает лист бумаги, возвращается.

Говорит мягко, но в его мягкости слышится что-то угрожающее:

- Товарищ Озолина права, не прав я. Я должен был ознакомить всех с письмом Феликса Эдмундовича.

Всеустановились на листок в руках Зиновьева. Озолина опустила голову, смотрит на поверхность стола.

Зиновьев читает:

- Товарищ Зиновьев, Владимир Ильич считает, что в связи с переходом к Новой экономической политике, нужно в кратчайшие сроки создать в Питере отдельную комиссию «По интеллигенции». Отслеживать настроения в среде писателей, профессоров, врачей, журналистов оппозиционно и контрреволюционно относящихся к Советской власти. Составить списки для высылки за границу лиц, распространяющих вредные идеи в среде молодежи, рабочих, служащих.

ЦК РКП (б) одобрило предложение товарища Ленина. Я рекомендую Вам лично заняться этим вопросом. Можете рассчитывать на помощь т. Мессинга и т. Самсонова. Немедленно приступайте к составлению списков всех, кто, так или иначе, компрометирует Советскую власть на местах. Людей для выполнения задачи подберите сами. Пусть это будут проверенные чекисты, которые смогут удержаться от перегибов и излишнего рвения. С коммунистическим приветом, Ф. Держинский.

Все молчат. Озолина резко поднимает голову.

Озолина (хрипло): Какими полномочиями будут обладать члены комиссии, будет ли нам дана возможность досудебного решения? (Смотрит на Зиновьева, не мигая, не отводя глаз).

Зиновьев (насмешливо Озолиной): То есть по организации и работе комиссии в подчинении Петросовета у Вас уже нет возражений?

Озолина собралась отвечать, но вмешался чекист, сидящий напротив нее.

Чекист, сидящий напротив Озолиной (одобрительно): Правильно мыслишь, товарищ Озолина! Чего за границу, туда-сюда, к стенке и вся недолга! Мы отряд революции, наш главный закон – классовое чутье! В расход контру!

Озолина кивает, требовательно смотрит на Зиновьева.

Зиновьев (неожиданно зло): Товарищ Озолина! Товарищи! Я не меньше Вашего хочу покончить с контрреволюционными супчиками, но есть ЦК! Вы слышали решение? Высылка!

Не торопясь встает чекист, сидящий рядом с Зиновьевым. Говорит, обращаясь к Озолиной:

- Хочешь, чтобы московские нас сожрали? Уже и так наверху говорят, питерские – звери! Тебе мало девятнадцатого?!

При этих словах Озолина дернулась, ее руки, лежавшие на столе, сжались в кулаки, она убирает руки, переводит глаза на говорящего, потом опускает голову, смотрит на стол.

Озолина (не поднимая головы): У меня нет больше вопросов...

Чекист – сосед Зиновьева: Мы Вас слушаем, товарищ Зиновьев, продолжайте.

Зиновьев смотрит на соседа по столу, кивает

Зиновьев: Если вопросов нет, то (показывает на письменный стол) вот материалы, распределите их между сотрудниками, товарищ Озолина. На работу максимум – два-три дня, докладывать по всем вопросам мне лично! Из здания материалы не выносить, работать будете на втором этаже. Дежурный!

Входит молодой человек в кожанке.

Зиновьев: Проводите членов комиссии в отведенный им кабинет.

Молодой человек: Есть! Пойдемте товарищи.

Озолина и чекисты разбирают папки идут к выходу. Зиновьев останавливает своего соседа.

Зиновьев: Извините, товарищ, не знаю Вашего имени, останьтесь на минуту, есть к Вам вопросы.

Озолина слышит фразу Зиновьева, оборачивается от дверей, смотрит на него исподлобья, выходит.

Зиновьев закрывает дверь кабинета.

Зиновьев (обращается к чекисту): Присаживайтесь, курите.

Чекист достает из кармана галифе пачку папирос, спички, неторопливо закуривает. Зиновьев стоит у стола, явно не зная, с чего начать разговор. Чекист курит, сосредоточено пуская колечки дыма.

Зиновьев: Как Ваше имя отчество?

Чекист: Петр Иванович Козлителин⁽¹⁴⁾ – специалист пятого отделения секретного отдела - по борьбе с правыми партиями и антисоветски настроенной интеллигенцией и молодежью, секретное оперативное управление Петроградского губотдела ГПУ. Работаю в ВЧК с августа восемнадцатого года.

Зиновьев: Вы давно знаете товарища Озолину?

Козлителин (с почти незаметной усмешкой): С декабря восемнадцатого... Вы, товарищ Зиновьев, зря вопросы задаете... Озолина проверенный товарищ, твердый, закаленный..., что крута, ну, так у нас мягким не место.

Докурив, сминает окурок в пепельнице.

Зиновьев: А, что Вы говорили про девятнадцатый год?

Козлителин: Говорил... (Встает, выпрямляется, одергивает гимнастерку) Вы, извините, товарищ председатель Петросовета, этого я не Вам, никому, без соответствующего мандата, говорить права не имею... Хотите, позвоните товарищу Менжинскому... Разрешите идти?

Зиновьев: Идите. Дежурный!

Входит молодой человек в кожанке.

Зиновьев: Проводите товарища Козлителина.

Козлителин и молодой человек, прищелкнув каблуками, выходят из кабинета. Зиновьев некоторое время ходит по кабинету, подходит к столу, снимает трубку, набирает номер, говорит в трубку:

- К-14-68. Да. Вячеслав Рудольфович, добрый день. Хорошо, утро. Да вот, помощь твоя нужна. Интересует меня следователь Озолина. Да.

- Скажи мне, если знаешь, что там в девятнадцатом с ней за история была. Ах, так... За перегибы, значит... Ну, хорошо..., спасибо. Что? Нет, больно жесткий товарищ. (Смеется) Это ты правильно говоришь, для нашего дела, как нельзя лучше! А вообще-то, права она... , то есть, как в каком, да, к стенке их надо... Я не потворствую..., просто говорю товарищу, что думаю...

- Ну, спасибо. Работаем.

Некоторое время держит в руках трубку. Кладет на рычаг. Подходит к окну, задумчиво посвистывает. Затемнение.

Картина II

Старинная петербургская квартира. Высокие потолки, полки с книгами, узкое окно, ночь, луч фонаря высвечивает угол стола, чертит дорожку к креслу, в котором сидит мужчина. Он в темной домашней куртке, темных брюках. Сидит, положив руки на подлокотники кресла, закинув ногу на ногу. Лицо худощавое, длинный тонкий нос, пенсне, академическая бородка, усы, волосы зачесаны назад над высоким лбом. Выражение лица спокойное, губы под усами кривятся в чуть насмешливую улыбку. Рядом с креслом стоит военный: шинель, фуражка, португез, на ремне кобура, из которой выглядывает рукоять револьвера. Беспорядок. На полу навалены книги, бумаги, какие-то вещи. Возникает человек в кожанке, подходит к военному.

Человек в кожанке (показывая что-то военному): Товарищ комиссар, а это куда?

Комиссар: К описи приложи.

Человек в кожанке уходит.

Мужчина в кресле (обращаясь к комиссару): Вы, кстати, не представились... Могу я узнать Ваше имя?

Комиссар: Комиссар Богданов ⁽¹⁵⁾.

Мужчина: Можете не стоять рядом со мной, друг мой, а идти помогать своим товарищам, а то так вы и до следующего утра не закончите.

Богданов: Арестованный Карсавин ⁽¹⁶⁾, Вам запрещено обращаться к кому бы то ни было до окончания обыска в вашей квартире.

Карсавин: А курить, простите, что я к Вам обращаюсь, мне позволено?

Богданов кивает. Карсавин достает из кармана куртки портсигар, папиросу, стучит папиросой о крышку портсигара, закуривает. Встает, идет к столу, берет пепельницу, возвращается, курит, осторожно стряхивая пепел. Пока Карсавин проделывал все эти манипуляции, Богданов беспокойно дернулся, потянулся за револьвером, но увидев, что арестованный сел, вернулся на свое место.

Карсавин (извиняющимся тоном, но с легкой насмешкой): Извините, но тут книги (показывает на книги, лежащие на полу) может случиться пожар.

Богданов кивает, ходит туда-сюда.

Богданов (про себя): Сволочи, развели тут буржуазный уют! Книги у них!

Карсавин (тихонько смеется): Я, господин комиссар (при этом обращении Богданов дернулся, но сдержался), изволите ли видеть, экстраординарный профессор Петроградского университета. Имею степень доктора истории и богословия. Квартира эта, предоставлена мне и моей семье университетом, и используется мной для работы.. В университет не топят, здесь собирается мой семинар... А библиотека..., у всякого свой инструментарий, у вас оружие и ордера на обыск (кивает головой на револьвер), у меня книги.

Богданов останавливается, достает из кармана папиросу, закуривает. Карсавин протягивает ему пепельницу, тот делает вид, что не замечает ее, стряхивает пепел на пол. Карсавин качает головой, ставит пепельницу под кресло.

Карсавин: Кстати, я не без успеха читал лекции на рабфаке при университете, для Ваших коллег-красноармейцев. Просвещение должно придти и к тем, кто по определенным причинам не мог соприкоснуться с ним раньше. Или, нет? Я не прав?

Богданов: Чекистам не нужны поповские бредни!

Карсавин (разведя руками): Ну, как угодно..., хотя, чтобы быть атеистом, чтобы аргументировано доказывать свою позицию нужно, хотя бы, представлять предмет своего отрицания? Как Вам кажется?

Богданов: Вам запрещено говорить!

Ходит взад-вперед, задевает ногой какой-то предмет, раздаются шорох и треск. Карсавин оборачивается.

Карсавин: Осторожнее с картиной, будьте любезны! Зачем Ваши коллеги сняли ее со стены? Какую опасность она представляет? (Пожимает плечами).

Богданов поднимает с пола картину, рассматривает ее.

Богданов: Кто это?

Карсавин: Солистка балетной труппы Мариинского Императорского театра Тамара Карсавина – моя сестра.

Богданов: Где она? (Рассматривает портрет).

Карсавин: В данный момент, вероятно, в Лондоне, если труппа не на гастролях.

Богданов нажимает руками на раму портрета, рама скрипит, небрежно бросает портрет на кучу книг.

Карсавин: Осторожнее, прошу Вас, это Модильяни! Если Вы полагаете, что в раме, как у гоголевского портрета золотые червонцы, то не беспокойтесь, золота во всем доме нет, проели ...

Богданов: Что?

Карсавин: Это писал Модильяни... Хотя, Вам должно быть безразлично...

Торопливые шаги, вбегает девочка лет одиннадцати, не обращая внимания на Богданова, подбегает к Карсавину. Девочка взволнована, чуть не плачет. Карсавин приподнимается в кресле, обнимает ее за плечи.

Карсавин: Что случилось, Марианна?

Мари: Papa! Ils jettent les livres et manuscrits par la fenêtre! ⁽¹⁷⁾

Богданов: Вам запрещено говорить на иностранном языке!

Карсавин (девочке): Calme-toi, Marianne, ce sont des vandals... ⁽¹⁸⁾ Они в кабинете? (Марианна кивает). (Карсавин Богданову). Моя дочь тоже арестована?

Богданов (немного растерявшись): Мы не арестовываем детей...

Карсавин: Слава Богу! (Обнимает дочь). А почему нужно выбрасывать книги и рукописи в окно? Какая в этом необходимость? Вы из питерского ЧК или из средневековой инквизиции?

Богданов: Ваши рукописи будут арестованы, как содержащие антисоветские высказывания и опасные контрреволюционные идеи ...

Карсавин: Дичь! М-да... (Про себя). Ну, что ж... Могу гордиться ..., но книги?

Богданов: Это вредные для пролетариата книги!

Карсавин (дочери): Ты видишь, Марьяша, ce sont des fanatiques ⁽¹⁹⁾

Богданов (кричит, хватаясь за револьвер): Прекратите говорить на своем буржуйском языке или я приму меры!

Дочь испуганно прижимается к Карсавину.

Карсавин (спокойно и жестко): Я говорю по-французски, это язык трех революций! И прекратите пугать ребенка! Только санкюлоты казнили детей!

Сажает дочь на колени, притягивает к себе.

Карсавин (возмущенно): Бросать книги в окно – варварство и глупость, которые не могут быть оправданы никакими политическими убеждениями! Не бойся, Марианна...

Сидит, обнявшись с дочкой. Богданов растеряно топчется рядом с ними.

Затемнение.

Картина III

Кабинет с одним окном. Занозистый пол. Справа от зрителей дверь. На авансцене стол, за которым сидит Озолина, листая бумаги, напротив табурет. Дверь открывается. Двое

красноармейцев вводят Карсавина. Карсавин в той же домашней куртке, брюках. Борода и волосы растрепаны, вид усталый, но держится со спокойным достоинством.

Первый красноармеец: Товарищ Озолина, арестованный доставлен.

Озолина (не поднимая глаз): Хорошо. Можете идти.

Красноармейцы подводят Карсавина к табурету.

Второй красноармеец (Карсавину): Садитесь.

Красноармейцы удивленно переглядываются, выходят из кабинета. Озолина не глядя на Карсавина.

- Фамилия, имя, отчество, социальное происхождение, род занятий.

Карсавин молчит.

Озолина: Оглох?

Карсавин: Будьте любезны обращаться ко мне на «Вы», поскольку мы в официальной инстанции. Кроме того, я не буду отвечать на Ваши вопросы, пока не получу возможности заявить протест.

Озолина (равнодушно): Заявляйте.

Карсавин: Извините, госпожа NN, я настаиваю, чтобы мой протест был записан и доведен до сведения Вашего начальства.

Озолина подняла глаза. Смотрит на Карсавина в немом изумлении.

Озолина (сорвавшимся от возмущения голосом): Вы издеваетесь? Над представителем власти?

Карсавин (твердо): Вы не представились, это, во-первых, а, во-вторых, издеваетесь над нами вы! Какая надобность гнать сотню человек с Гороховой на Шпалерную? Чтобы заталкивать по двадцати пяти человек в одиночную камеру?! В камерах нечем дышать! Среди арестованных пожилые люди, которые просто не выдержат таких условий! Не гуманнее расстрелять всех без суда и следствия? Так не содержат даже скотину!

Озолина (шипит): Я бы вас всех шлепнула! Прямо во дворе! Всю сотню!

Карсавин (раскланиваясь): Не сомневаюсь, мадам! Ваша непримиримая принципиальность делает Вам честь! Тем не менее, я настаиваю, чтобы мой протест был зафиксирован, до предъявления официального обвинения. Согласно закона, я имею право требовать подобного... Хотя, в Советской России, кажется, отсутствует презумпция невиновности для классовых врагов?

Во время тирады Карсавина Озолина открывает ящик стола, вынимает лист серой бумаги, кладет на стол со стороны Карсавина, кидает рядом карандаш.

Озолина: Пишите!

Карсавин делает полупоклон, подходит к столу, берет карандаш, лист бумаги, пишет стоя, наклонившись над столом. Написав и расписавшись, отдает лист Озолиной.

Карсавин: Благоволите, госпожа NN.

Озолина с яростью выхватывает лист из рук Карсавина, бросает в ящик стола, со стуком задвигает ящик, шипит:

- Я - помощник уполномоченного Петроградской Губернской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией Озолина! (Орет). Сядьте немедленно! Иначе я вызову конвой!

Карсавин спокойно отодвигает табурет от стола, садится.

Карсавин (тихо и вежливо): Я не мог сесть до тех пор, пока Вы мне не предложите. Сесть в присутствии женщины без ее разрешения, верх невоспитанности. И Вы совершенно напрасно кричите, госпожа Озолина, я хорошо Вас слышу. Если я обидел Вас, приношу мои глубочайшие извинения, и готов отвечать на Ваши вопросы.

Озолина положила руки на стол, сжала кулаки, говорит задыхаясь.

Озолина: Имя, отчество, фамилия, возраст, социальное происхождение, место жительства, род занятий?

Карсавин: Карсавин, Лев Платонович, русский, православного вероисповедания, тридцати девяти лет от роду, из семьи актера Императорского Мариинского театра Платона Карсавина. Проживаю в Петрограде на Университетской набережной, в номере одиннадцать, квартире под номером два. Экстраординарный профессор Петроградского университета, бывшего Императорского Санкт-Петербургского университета.

Озолина «строчит» на листке.

Озолина (почти спокойно): Говорите медленнее.

Карсавин (улыбается): Слушаюсь, сударыня.

Озолина (зло): Оставьте ваши старорежимные выкрутасы, отвечайте на вопросы! Имущественное положение?

Карсавин: Имущества в собственности не имею.

Озолина: Семейное положение... (роется в бумагах) известно..., партийность?

Карсавин: Беспартийный.

Озолина: Политические убеждения?

Карсавин: Лояльное отношение к Советской власти.

Озолина (подняла глаза): Что-о?

Карсавин (повторяет по слогам): Ло-яль-ное от-но-ше-ние к...

Озолина (перебивая): Лояльное?

Карсавин: Безусловно. Я ученый. Не принадлежу ни к какой из существующих партий, так как считаю любой закон, кроме Божьего несовершенным.

Озолина явно не поняла, что сказал Карсавин. Уставилась на него мутными глазами.

Озолина: Повторите!

Карсавин говорит так, как разговаривают с маленькими детьми:

- Повторяю... мое отношение к существующей власти лояльное и абсолютно нейтральное.

Озолина (черкнув в листе): Образование?

Карсавин: Общее - высшее, специальное – профессор по средневековой истории.

Озолина: Чем занимались, где служили?

Карсавин: С 1912 года приват-доцент Петербургского университета, с 1916 года по сей момент – профессор.

Озолина: Привлекались к суду?

Карсавин: Нет, а также не состоял и под следствием.

Озолина: Ваше отношение к Новой Экономической политике и изменению курса партии большевиков?

Карсавин: Помилуйте, я же только что сказал об этом...

Озолина (орет): Отвечайте на вопрос, арестованный!

Карсавин, пожав плечами.

Карсавин: Должен Вам заметить, что никогда не следует кричать. У людей со слабой нервной организацией агрессия парализует нервную систему и вызывает ответную агрессию, а у людей с сильной волей, неприятие и желание скорее избавиться от собеседника...

Видя, что Озолина словно остекленела, тяжело дышит и уставилась на него мутными глазами, на секунду опускает глаза, прячет улыбку.

Карсавин: Прошу прощения, отвечаю по существу. Ни в каких партиях не состоял и не состою. Лояльно отношусь к Советской власти, признавая ее единственно возможной и нужной для настоящего и будущего России.

Озолина (перебивая): Вы агитируете против власти рабочих и крестьян!

Карсавин: Ни в каком случае! Считаю своею гражданской обязанностью полное и честное сотрудничество с нею, но не разделяю ее программы как коммунистической. Нахожу необходимым открыто говорить о своих разногласиях с властью, но считаю и необходимым честно работать в отводимых мне и признанных моими убеждениями пределах. Структуру власти, как власти советов, признаю в принципе правильной, в частности – несовершенной, но, несомненно, подлежащей нормальной эволюции изнутри ею самой.

Озолина: Вы врете!

Карсавин (совершенно спокойно): С какой целью я, по Вашему мнению, это делаю?

Озолина: Чтобы войти в доверие и вести контрреволюционную деятельность!

Карсавин: Вы ошибаетесь... В том, в чем интеллигенция расходится с идеологией власти, она должна воздерживаться от всякого рода контрреволюционной деятельности, но, открыто о своих убеждениях заявлять.

Озолина (растерявшись): Зачем?

Карсавин (серьезно): Чтобы быть честным перед самим собой.

Озолина: Вы ведете вредную подрывную контрреволюционную деятельность среди молодежи!

Карсавин: Вы имеете в виду мою профессиональную деятельность? Должен Вас успокоить. Я считаю, что в реформе Высшей Школы есть определенные перекосы. Я критикую основные ее принципы в области административного управления университетами, вопрос о частностях – вопрос технический. В этом смысле не раз высказывался публично. Я не признаю серьезным, что власть ставит определенные задания государственной школе. Где же здесь контрреволюция?

Озолина (шипит): Перестаньте задавать мне вопросы!

Карсавин: Хорошо, как угодно.

Озолина: Вы поддерживаете связи с белоэмигрантами?

Карсавин: Я понимаю, это, вероятно касается моей сестры? Ах, извините, я по привычке... Будущее России не в эмиграции. Часть эмиграции, по моему убеждению, вернется и сольется

с Россией, часть расселится на Западе и станет западной, часть некоторое время будет продолжать все более слабеющую борьбу с Советской Россией.

Озолина: Достаточно!

Озолина пишет. Карсавин спокойно разглядывает ее как интересный экспонат.

Озолина: Я прочту постановление.

Карсавин: Я слушаю.

Озолина вытаскивает листок из папки, не может справиться с собой, у нее дрожат руки, она откашливается.

Карсавин: Вы очевидно устали. Не лучше будет, если Вы дадите мне этот документ, а я прочту его сам?

Озолина (сорвавшимся от бешенства голосом): Я уже предупредила, не задавайте мне вопросов!

Карсавин (привстает и кланяется): Извините, дурная привычка.

Озолина (читает): Постановление № 24 1-го Специального Отделения СОЧ ПГО ГПУ в отношении Л.П.Карсавина от 18 августа 1922 г.

Я - Помощник Уполномоченного Специального Отделения СОЧ ПГО ГПУ, рассмотрев дело на Карсавина Льва Платоновича ПОСТАНОВИЛ:

Привлечь его в качестве обвиняемого и предъявить ему обвинение в том, что он с момента октябрьского переворота и по настоящее время не только не смирился с существующей в России Рабоче-Крестьянской Властью, но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности, причем в момент внешних затруднений для РСФСР свою контрреволюционную деятельность усиливая, т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 57-й Уголовного Кодекса РСФСР. Как меру пресечения уклонения суда и следствия гр-на Карсавина Льва Платоновича избрать содержание под стражей.

Протягивает Карсавину бумагу и перо:

- Распишитесь.

Карсавин берет листок, читает, расписывается. Переворачивает страницу и пишет несколько строк, протягивает Озолиной

Озолина (читает): «Настоящее обвинение считаю основанным на недоразумении и противоречащим всей моей общественной деятельности. Л.Карсавин».

Смотрит на Карсавина с отвращением:

- Ваше мнение не интересует следствие.

Карсавин: А что же интересует?

Озолина (не отвечая): Напишите расписку о добровольном отъезде за границу в двухнедельный срок.

Карсавин: Хорошо... Давайте бумагу, этот фарс нужно кончить поскорее!

Озолина протягивает Карсавину лист. Карсавин пишет. Написав, читает:

- Я, Карсавин Лев Платонович, даю обязательство: ради удобства общественной работы Советской власти уехать на определенный ею мне срок за границу с семьей и выехать в положенный мне срок. Желательно не менее 1,5–2-х недель. Сего года 1922, 18 августа. (Озолиной) Вас устроит?

Озолина вырывает листок из рук Карсавина, кричит:

- Конвой!

Карсавин (встает): Я полагаю наше с Вами приятное свидание окончено... Примите на прощание мой совет: не злитесь, столь бурное выражение эмоций не к лицу женщине.

Входят красноармейцы, Карсавин подходит к ним, кланяется Озолиной:

- Прощайте!

Красноармейцы уводят Карсавина, насмешливо переглядываясь между собой. Озолина с грохотом отодвигает ящик стола, яростно рвет бумагу – протест Карсавина.

Озолина: Контра недобитая!

Затемнение.

Картина IV

Палуба парохода. Блестящие поручни вдоль бортов. Скамейки. Доски палубы выкрашены в ярко-желтый цвет. Гудок парохода, звук волн, бьющих о борт, крики чаек. На палубе мужчина. Из-за седой бородки и пышных седых усов он выглядит старше своих лет, держится прямо, походка упругая, хотя во всей фигуре чувствуется усталость. Прохаживается, задумчиво постукивая пальцами по поручням. Черное пальто, с шалевым запахом застегнуто до горла, шляпа с небольшими полями глубоко надвинута. Это профессор Санкт-Петербургского университета Николай Онуфриевич Лосский ⁽²⁰⁾.

На палубе появляется Карсавин. Пальто расстегнуто, шляпа сдвинута набекрень, шарф артистически закинут концами назад. Он держится преувеличенно бодро, бравировует. Увидев Лосского, окликает его.

Карсавин: Николай Онуфриевич, как Вы?

Лосский (обернувшись): А, это Вы, Лев Платонович..., спасибо... (оглядывает Карсавина), Вы бы застегнулись, ветер, простудитесь.

Карсавин (весело): Ничуть! Что может быть прекраснее свежего балтийского ветра! Исход из царства Гришки Четвертого – Отрепьева ⁽²¹⁾!

Лосский: Уже свежего..., да...

Карсавин: Полно Вам, несвобода осталась в складках наших пальто как воспоминание! (Смеется). Господа-чекисты сошли в Кронштадте.

Лосский: Не могу забыть этот запах на Гороховой! (Вздрагивает)

Карсавин (тихо, с него на мгновение слетает напускная бравада): Не надо, не мучайте себя... (Заботливо). Николай Онуфриевич, Вы не больны? Может, спуститесь в каюту? У Вас страшно подавленный вид...

Лосский: Благодарю Вас, насиделся! Даже с друзьями не дали попрощаться..., запихнули, как теля в загон... Когда я провожал Николая Александровича ⁽²²⁾, он отказался спуститься в каюту, так и ходил по палубе, в руке трость, шляпа, и темные с проседью волосы по ветру, калоши блестят ..., все время смотрел в нашу сторону, пока «Хакен» не отчалил...

Карсавин смотрит назад, старается что-то разглядеть.

Карсавин: «Горный институт»... Последнее, что я увидел Геракла с Антеем ⁽²³⁾ ...

Лосский: И я даже знаю, что Вам пришло в голову... Отныне мы оторваны от родины и обречены терять свои силы...

Карсавин: Оторваны ... (Горячо). Николай Онуфриевич, дорогой мой, не надо так! Ну, что бы Вы стали делать в Советской России? У Вас имя, ум, энергия! Вас с восторгом примет любая кафедра, любого европейского университета!

Лосский: Масарик ⁽²⁴⁾ приглашает меня в Прагу.

Карсавин возбужденно жестикулируя, прохаживается по палубе. Поворачивается к Лосскому.

Карсавин: Вот! Не мне говорить, Вы же понимаете, свобода человеческая в нем самом! У Вас и у меня никто не в состоянии отнять Божьего смысла нашего существования. Отделите себя от Бога, ну, хотя бы гипотетически, мысленно, и все наши построения, идеи, классовая суть процесса рассыплется в совершенное ничто.

Лосский (рассеяно): Да, да, конечно...

Карсавин останавливается перед Лосским, смотрит ему прямо в глаза, говорит медленно, словно гипнотизируя Лосского.

Карсавин: Вы же понимаете, что там нас, Вас, меня, всех, в конце концов, уничтожили бы. Вы же видели Шпалерную!

Лосский (вздрыгнул, но взял себя в руки): Я все же не думаю, что Троцкий до такой степени безумен. Вы знаете, до меня донесли его слова о нас. Якобы он сказал: «Мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно». Превентивное милосердие... не надо все же лишать их доли разумного сочувствия победителей.

Карсавин задумчиво постукивает по поручням, бессознательно копируя жест Лосского:

- Суд окончен; спор решился;

Прекратилась борьба;

Все исполнила Судьба:

Град великий сокрушился... ⁽²⁵⁾

Мне говорили другое..., он уверен, что уцелевшие внутренние враги, то есть мы с Вами, непременно примкнут к внешним врагам Республики, и, если дело дойдет до столкновения, то, хоть мы им и не опасны, но все же придется нас уничтожить... А уж поводов нашлось бы сколько угодно... Вы же помните Кронштадт...

Прохаживается по палубе. Говорит с грустью:

- Мне попалась удивительно зверообразная и тупая женщина-следователь, Озолина некто.

Лосский кивает.

И Вам она же?

Лосский: Да, попадалась...

Карсавин: Даже не пыталась понять о чем я говорю... Если хоть треть из них такие ... Хотя, мне говорили, что Дзержинский и Луначарский довольно образованные люди...

Лосский (очень серьезно): Троцкий говорят тоже...

Карсавин: Их раздражает любой, кто хоть чем-то отличается от них...

Лосский: Это не самое худшее. Хуже всего то, что они создают собственную религию, которой фанатично следуют.

Карсавин (кивнув): «Не сотвори себе кумира и всякаго подобия...», обожествление, обман, который обернется катастрофой...

Лосский кивает Карсавину, делает несколько шагов и садится на скамью, поворачиваясь так, чтобы видеть и собеседника и то, что находится за бортом.

Лосский (показывая рукой на воду): «Бездна бездну призывает голосом водопадов Твоих; все воды Твои и волны Твои прошли надо мною» ⁽²⁶⁾ .

Карсавин (с улыбкой): Еще не все, на наш век еще хватит! Увидите, мы еще вернемся! Я верю! Не смотря ни на что!

Декламирует:

- Смертный, силе, нас гнетущей,

Покоряйся и терпи;

Спящий в гробе, мирно спи;

Жизнью пользуйся, живущий ⁽²⁷⁾ .

Лосский (улыбаясь): Завидую Вашей энергии, Лев Платонович..., вы молоды душой, хотя возрастом уже зрелый муж...

Карсавин (заботливо): Николай Онуфриевич, позвольте, я все-таки провожу Вас в каюту, ну, или пойдете в салон. Вам надо выпить кофе, а лучше чего покрепче...

Лосский рассеяно кивает. Встает. Карсавин заботливо берет его под руку, поддерживает. Они делают несколько шагов. Вдруг Лосский останавливается.

Лосский (смотрит вниз): Какая желтая палуба... Только сейчас заметил...

Карсавин: В цветочном календаре желтый – цвет разлуки...

Лосский: Да..., весьма символично...

Уходят.

Затемнение.

...пятого отделения Секретного отдела ⁽⁹⁾ - ВЧК при СНК РСФСР (Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР) была создана 7 (20) декабря 1917 года. Упразднена 6 февраля 1922 года с передачей полномочий ГПУ при НКВД РСФСР. Секретно-оперативное управление ГПУ УСО (под руководством Менжинского) имело 10 отделов.

Секретный отдел СО (под начальством Самсонова) по борьбе с антисоветской деятельностью отдельных лиц, партий, организаций, структур - восемь отделений, пятое называлось — «по борьбе с правыми партиями и антисоветски настроенной интеллигенцией и молодёжью».

... товарища Мессинга ⁽¹⁰⁾ – С. А. Мессинг (1890, Варшава, — 2 сентября 1937, Москва) — советский партийный и государственный деятель, один из руководителей органов государственной безопасности. В ноябре 1921 года Дзержинский назначил Мессинга председателем Петроградской ЧК для укрепления влияния власти в Петрограде. 15 июня 1937 года был арестован по обвинению в шпионаже в пользу Польши (участие в подпольной организации Польская Организация Войскова). 2 сентября расстрелян. Реабилитирован посмертно 6 октября 1956 года.

... товарища Менжинского ⁽¹¹⁾ – В. Р. Менжинский (19 (31) августа 1874, Санкт-Петербург — 10 мая 1934, дача «Горки-6», Архангельское Московской области) — российский революционер советский партийный деятель, чекист, преемник Ф. Э. Дзержинского во главе ОГПУ (1926—1934), один из организаторов сталинских репрессий.

... товарища Самсонова ⁽¹²⁾ – Т. П. Самсонов (Бабий) (1888—1955) — российский революционер, советский государственный деятель, сотрудник ВЧК-ОГПУ-НКВД.

... товарищ Озолина ⁽¹³⁾ - Помощник Уполномоченного Специального Отделения СОЧ ПГО ГПУ, г. Петрограда; вела следствие по делу высылаемых из Советской России в 1922г. петроградских философов, журналистов, писателей, политических деятелей. Допрашивала Л.П. Карсавина и других заключенных. По воспоминаниям Л.П. Карсавина отличалась необыкновенной глупостью и звероподобием.

Петр Иванович Козлитинов ⁽¹⁴⁾ – в действительности такой человек не существовал, но у него есть прототип – начальник 1-го спецотделения Секретного отдела Петроградского ГПУ Козловский. Именно Козловский руководил арестом Л.П. Карсавина 17 августа 1922г.

Комиссар Богданов ⁽¹⁵⁾ – реальный персонаж – подчиненный Козловского, осуществлял арест Л.П. Карсавина и обыск в его квартире на Университетской набережной.

Арестованный Карсавин ⁽¹⁶⁾ – Карсавин Л.П. (1 (13) декабря 1882, Санкт-Петербург, Российская империя — 20 июля 1952, Абезь, Коми АССР, СССР) — русский религиозный философ, историк-медиевист, поэт. Выслан в ноябре 1922 вместе с группой из сорока пяти деятелей науки и культуры (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк, И. Ильин и др.) и членами их семей в Германию. В конце 1927 года получил приглашение занять кафедру всеобщей истории в Литовском университете (Каунас; впоследствии Университет Витаутаса Великого). С переводом гуманитарного факультета университета в Вильнюс (1940) стал профессором Вильнюсского университета. В 1944 году советскими властями отстранен от преподавания в Вильнюсском университете, арестован и обвинён в участии в антисоветском евразийском движении и подготовке свержения советской власти. В марте 1950 года приговорен к десяти годам исправительно-трудовых лагерей. Умер от туберкулёза в спецлагере для инвалидов в посёлке Абезь Коми АССР.

Papa! Ils jettent les livres et manuscrits par la fenêtre! ⁽¹⁷⁾ (франц) – Папа! Они выбрасывают книги и рукописи в окно!

Calme-toi, Marianne, ce sont des vandals... ⁽¹⁸⁾ (франц) - Успокойся, Марианна, это дикари... **ce sont des fanatiques** ⁽¹⁹⁾ (франц) – это фанатики.

Николай Онуфриевич Лосский ⁽²⁰⁾ - (6 декабря, 1870, Креславка, Динабургский уезд, Витебская губерния, Российская империя — 24 января, 1965, Париж, Франция) — выдающийся представитель русской религиозной философии, один из основателей направления интуитивизма в философии. После революции был лишён кафедры за христианское мировоззрение и в 1922 году выслан из России. С 1922 по 1942 год по приглашению Масарика жил в Праге. С 1942 по 1945 год был профессором философии в Братиславе, в Словакии. Читал лекции по философии в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже. С 1947 года после переезда в США преподавал в Свято-Владимирской духовной академии в Нью-Йорке, с 1950 по 1953 годы в звании профессора. Умер Лосский в Париже 24 января 1965. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Исход из царства Гришки Четвертого – Отрепьева ⁽²¹⁾ ! – так высылаемые в 1922г. из Петрограда философы, писатели, журналисты окрестили Григория Зиновьева – соратника Ленина, члена ВКП (б), председателя Петросовета (1917-1926г.г.)

Когда я провожал Николая Александровича ⁽²²⁾ – исторический факт: Н.А. Бердяев вместе с семьей был выслан из Петербурга на первом «Философском пароходе» «*Oberbürgermeister Haken*» 29—30 сентября 1922г. Следующая группа - среди которых были Н.О. Лосскийна и Л.П. Карсавин, на пароходе «*Preussen*», отправилась из Петрограда 16—17 ноября 1922г. Перед высылкой Бердяев с семьей останавливались у Лосских. Лосский провожал Бердяева и его семью до набережной Лейтенанта Шмидта возле здания Горного института, откуда отплывали «Обербургомистр Хаген», а, затем, «Проуссия».

«Горный институт»... Последнее, что я увидел Геракла с Антеем ⁽²³⁾ - возле главного входа в главное здание Горного института установлены две скульптуры, одна из них "Геракл, удушающий Антея", работы С. С. Пименова. «Геракл, удушающий Антея» хорошо виден с пристани Лейтенанта Шмидта.

Масарик ⁽²⁴⁾ - Тóмаш Гáрриг Мáсарик (7 марта 1850 года, Гёдинг, Моравия, Австрийская империя, — 14 сентября 1937 года, Ланы, Чехословакия) — чешский социолог и философ, общественный и государственный деятель, один из лидеров движения за независимость

Чехословакии, а после создания государства — первый президент Чехословацкой Республики (1918—1935).

- Суд окончен; спор решился (здесь и далее) ⁽²⁵⁾ ⁽²⁷⁾ – В.А. Жуковский «Торжество победителей»

«Бездна бездну призывает голосом водопадов Твоих; все воды Твои и волны Твои прошли надо мною» ⁽²⁶⁾ - Ветхий Завет, Псалтырь (пс. 41, ст. 8)

В новелле использованы фрагменты из:

В. Шенталинский «Осколки серебряного века» ж. «Новый мир» №5 , 1998г.

Материалы сайтов: <http://www.rusarchives.ru/publication/deportation.shtml>, ("Очистим Россию надолго". К истории высылки интеллигенции в 1922 г. Опубликовано в журнале "Отечественные архивы" № 1 (2003 г.).

Материалы из Википедии – свободной энциклопедии - <https://ru.wikipedia.org>

Новелла третья

«...вы в славе, а мы в бесчестии»

Действующие лица:

Сталин Иосиф Виссарионович

Калинин Михаил Иванович

Зиновьев Григорий Евсеевич

Виктор Серж (Кибальчич Виктор Львович)

Миронов Лев Григорьевич

Ягода Генрих Григорьевич

Ежов Николай Иванович

Ворошилов Климент Ефремович

Каменев Лев Борисович

Саша

Виктор

Охранники-конвойные

Картина I

Кабинет Сталина в Кремле. Сталин в кресле за столом читает машинописный текст. Никаких эмоций, просто читает. С другой стороны стола два низких кожаных кресла, обитых потертой черной кожей. В одном из них Калинин, он крайне взволнован, вертится, привстает, пытается заглянуть в лицо Сталину. Сталин, оторвавшись от чтения, закуривает папиросу. Калинин хочет что-то сказать, Сталин вопросительно приподнимает брови.

Сталин: Что ты вертишься, как девочка?

Калинин: Я не могу оставить это письмо без ответа...

Сталин пожимает плечами.

Сталин: А ты знаешь, на чем сидишь?

Калинин (растеряно): На кресле... (трогает пальцами подлокотник)

Сталин: Это кресла из кабинета Ленина..., взял на память...

Калинин едва не падает с кресла. Справляется с собой, гладит рукой подлокотник.

Сталин внимательно смотрит Калинина, пряча усмешку:

- Что ты ответишь? Он же ждет не слов, а действий!

Калинин (волнуясь): Мы должны довести это письмо до сведения ЦК...

Сталин (разбивая рукой дым): Зачем? Достаточно того, что с ним ознакомился Генеральный секретарь ЦК... (Вкрадчиво и мягко). Мы же с тобой прекрасно понимаем, что Троцкий, Каменев и Зиновьев воспользуются этим письмом..., устроят очередную провокацию... Группа Сталина не способна остановить тех, кто хочет задушить Советскую власть - кулаков, нэпманов и бюрократов... Сталин груб с товарищами по партии ... Троцкий самый способный член нынешнего ЦК..., «Письмо к съезду»⁽²⁸⁾!

Калинин испуганно дернулся. Сталин, заметив его движение, делает жест, который может означать

«я понимаю, о чем говорю».

- На дворе не двадцать четвертый, а двадцать седьмой ... (Раздраженно). Демагоги, использующие слова Ленина для достижения собственных целей! А я должен быть мягким... Три года назад Каменев с Зиновьевым были против оглашения писем... Почему? Потому, что тогда, Троцкий был им опасен... Разве не так?!

Калинин вскидывает голову, седеющая борода вздрагивает, цепляется за воротник рубашки и оттягивает нижнюю губу, вид у Калинина нелепый. Сталин по-кошачьи фыркает.

Сталин (веско): Мы сами виноваты, что допустили раскол ..., мы слишком мягко относимся к тем, кто дискредитирует партию...

Берет со стола письмо, читает:

«Скажите откровенно, где вы провели социализм — нигде, и не проведете его, потому что идеи ваши прекрасны только в теории. Можете указать на фабрики и заводы, но они принадлежат государственному капиталу, который эксплуатирует рабочих более, чем капиталисты. Докажите, что коммунизм — это рай в людской жизни. Устройте из всех ваших вождей с семьями общую коммуну, тогда и я перейду в ваш лагерь. Лозунги ваши были заманчивы до 21 года, но затем они выцвели, и никто ныне в них более не верит; думаю, что в них не верят и многие коммунисты. Между тем вожди наши живут во дворцах, проживают большие деньги, ведут роскошную жизнь, разъезжают в салонных вагонах, ничего не платя. По крайней мере, мы это наблюдаем здесь в Тифлисе».

- Вот! Почему этот человек задает такие вопросы?

Калини: Он контрреволюционер... (Сталин насмешливо кивает) Так может писать только враг...

Сталин: Враг? Он? А может, кто-то другой? А он видит просчеты, и открыто говорит о них?

Калини: Он обижен, считает, что его заслуги не оценили...

Сталин: Ему не на что жить..., он без работы, без пенсии, стар, устал... Тот, кто открыто говорит о недостатках не враг... Вспомни Ильича...

Калинин: Так ты думаешь...

Сталин (веско): Я думаю, преждевременно информировать ЦК. В декабре съезд партии..., мы должны использовать это письмо как сигнал с места ...

Калинин (пораженный): Но Троцкий и Зиновьев исключены из партии, Каменев выведен из ЦК, они не смогут выступить на съезде...

Сталин: На съезде – нет, но они живы, (со смешком) вполне хорошо себя чувствуют..., хороший враг – мертвый враг...

Калинин (он явно испуган): Коба, что ты говоришь?

Сталин улыбается, в его речи явственней прорезался грузинский акцент, лукаво:

- Что тебя так напугало, дорогой? Я шучу... Когда это мой старый друг, успел стать таким (делает выразительную паузу) осторожным аппаратчиком?

Калинин жестикулирует.

Калинин (зло): Вранье! Злобное вранье! Сволочи, пользуются каждым удобным случаем, чтобы говорить про меня гадости! Они думают, я не знаю! Генрих говорил ⁽²⁹⁾ ...

Сталин (перебивает): Тихо, дорогой! Это гнусный навет, Калинин – нэпман и бюрократ... Смешно... ЦК тебе верит... (Жестко). А эти..., они полагают, что в ЦК не знают! Что мы все здесь в Кремле сидим и не знаем, что говорят люди? Рядовые коммунисты? Рабочие, служащие? Что ЦК и дальше будет смотреть сквозь пальцы на троцкистские выступления в Москве и Петрограде! (Яростно сминает окурок в пепельнице). Я тебе сейчас тоже кое-что прочиту.

Достает из ящика стола папку, вынимает из нее конверт, вытряхивает из конверта лист серой оберточной бумаги, читает:

- *Дорогой товарищ Сталин, как смотрит рабочий, измученный, истрепанный, больной, никак не могущий оправиться за десять лет революции, на капиталиста-буржуя? Да, он готов броситься на него, разорвать на кусочки, уничтожить кусочки его..., злоба кипит, рабочие недовольны...*

- Это пишет мне рабочий Темкин с «Красного путиловца» ⁽³⁰⁾ ..., рабочие недовольны политикой партии! И это все из-за них!

Тяжело дышит, лицо дергается от ярости, с трудом берет себя в руки. С улыбкой:

- Ничего, дорогой! Совсем скоро все станет на свои места!

Калинин испуганно молчит.

Сталин (берет письмо, читает): *«Когда 10 лет болит сердце за родину, поневоле хочется излить свои чувства».* (Задумчиво) Этот человек не враг... Я слышал о нем, генерал Гильчевский ⁽³¹⁾ ... в Тифлисе помнят его...

Калинин: Значит?

Сталин (твердо): Значит, ЦК учтет замечания (выделяя слово интонацией) товарища Гильчевского... Ты правильно пришел ко мне...

Калинин: Спасибо, Коба..., я, честно говоря...

Сталин (ободряюще улыбаясь): Растерялся? Ничего, мы старые товарищи и должны помогать друг другу.

Калинин торопливо встал, собирается уходить, уже на пороге кабинет останавливается.

Калинин: А мемуары товарища Гильчевского?

Сталин (закуривая новую папиросу): Нужно обсудить это с военспецами. Позвони Якиру (32).

Калинин кивает, уходит, Сталин смотрит ему вслед:

-Вит! (308) (33)

Перечитывает письмо вслух:

«Что ж, русская интеллигенция сама повинна во всем. Не царь был виноват, а виновата интеллигенция, которая витала со своими идеями в небесах, жертвовала за них жизнью и желала для дикой страны каких-то сказочных реформ. Если царь и упрявился, он был прав. В России не было людей, а тем более нет их и ныне. Часть их перебили, а часть бежала. Вы отлично знаете, что все ваши верхи заполнены инородцами (вся дипломатия, торговые, финансовые и другие учреждения). Из-за несбыточных реформ русские потеряли половину России, да, вероятно, потеряют еще часть, если упрямо будут проводить социализм. Последний исчез еще при Ленине в 21 году, и с того времени он отодвинулся на много тысяч лет».

Поднимает глаза от письма, Снимает телефонную трубку:

- ГО 16-25. Товарищ Ягода (34)? Это Сталин. Нужно кое-что обсудить... Да. Жду...

Кладет трубку.

Затемнение.

Картина II

Квартира Зиновьева в Кремле. Дверь в квартиру слева от актеров. Справа на авансцене письменный стол, чистый, ни книг, ни бумаг, даже настольной лампы нет, видно зеленое сукно и темный предмет, лежащий по самой середине, не то пухлый бювар, не то толстая книга.

В квартире беспорядок, на полу связки книг, тюки, открытый чемодан посреди комнаты. Обстановка квартиры богатая, видно, что люди, живущие здесь, ни в чем не знают нужды.

Зиновьев сидит в кресле у письменного стола, пристально смотрит на темный предмет. Стук в дверь, Зиновьев не реагирует. Дверь осторожно приоткрывается и в комнату заглядывает, а потом входит, мужчина. Довольно высокий, темноволосый, лоб немного нависает над бровями, затеняет глаза, на длинном носу поблескивает пенсне. Короткое пальто распахнуто, гимнастерка под ремень, галифе, сапоги. Это писатель Виктор Серж (35). Зиновьев оборачивается на звук шагов.

Зиновьев: А, это ты..., попрощаться?

Серж: Съезжаешь все-таки?

Зиновьев (с иронией): А ты предлагаешь дожждаться, когда нас выкинут отсюда?

Серж: Здесь могут жить только государевы люди... (Тихо) Опричнина.

Зиновьев пожимает плечами, отворачивается, смотрит на то, что лежит перед ним на столе, говорит, не поворачиваясь к Сержу:

- Они разгоняют наши демонстрации в Москве и в Питере, в июне, на заседании ЦКК обсуждают недопустимость антисемитских лозунгов в борьбе с оппозицией, потом, это оскорбительное заявление Политбюро в «Правде»: «Мы боремся против Троцкого, Зиновьева и Каменева не потому, что они евреи, а потому, что они оппозиционеры»⁽³⁶⁾. (Яростно) Это все этот грузинский недоумок! Это его почерк!

Серж: Говори тише, дверь открыта!

Зиновьев (зло): Закрой, если боишься!

Серж идет к двери, прикрывает ее.

Зиновьев: Седьмого Каменев и Троцкий ездили на грузовике по Москве, их обкидали камнями..., гпушникам пришлось стрелять в воздух...

Серж (изумленно): Я говорил с Троцким о митингах, он мне ни слова не сказал про это...

Зиновьев: Ну, еще бы! После его успехов! Победитель Юденича!⁽³⁷⁾ (Помолчав). Мы вне партии, нас исключили! Каменева выкинули из ЦК!⁽³⁸⁾

Серж: Я заходил к нему...Он тоже собирается...

Зиновьев (не слушая): После пленума, я подошел к Кобе... Он наговорил мне такого! И с этой своей усмешкой в усы!

Подходит к столу, выдвигает стул, садится напротив Зиновьева.

Серж: Тебе стоило прислушаться... Сталин стратег..., он ничего не делает не обдумав... Ты же сам говорил, что Ленин считал его очень способным политиком, жестким, но...

Зиновьев с треском отодвигается от стола, истерически:

- Ты знаешь, что он сказал мне? Что я создал в Питере свой двор! Что до него доходили слухи о роскоши, об императорском поваре, который якобы работал у меня за паек, когда в Питере в двадцать первом жрали кошек! Что даже непримиримый Урицкий останавливал меня, когда по моему приказу ЧК хватало и расстреливало людей без суда и следствия! Я обещал переломать хребет им всем и я свое слово сдержу! (Задыхается).

Серж: Григорий! Прекрати! Свердлов был прав – ты истеричка⁽³⁹⁾!

Зиновьев (не слыша Сержа): Соломон жаловался Красину, что представитель вождя Коминтерна Сливкин приехал к нему в Талин, и заставил выделить двести тысяч марок для закупок товаров и два вагона для их транспортировки! А, когда Соломон спросил, кому это, Сливкин, якобы сказал, что все это для стола и тела товарища Зиновьева: «Народ голодает, а мы должны ублажать толстое брюхо разжиревшего на советских хлебах Зиновьева. А, ещё драгоценное бельё для Лилиной и всяких других «содкомок», духи, мыло, наборы для маникюра, кружева» ...⁽⁴⁰⁾ (Передразнивая акцент Сталина) «И так себя вел пламенный оппозиционер-троцкист, который так яростно следует ленинской линии партии!»

Зиновьева трясет, стучит зубами, как от сильного холода. Серж ищет в комнате графин с водой, не найдя выходит, возвращается с налитым стаканом в руках, протягивает Зиновьеву, тот жадно пьет, съезживается в кресле, некоторое время сидит опустив голову и нахохлившись. Поднимает голову:

- Кому они верят? Соломону? Изменнику-невозвращенцу?⁽⁴¹⁾ Сталин сказал, что товарищу Кирову еще долго придется выгребать в Питере мое дерьмо!⁽⁴²⁾

Серж (оцениваяше): Мы проиграли...

Зиновьев (вскинув голову): Ну, нет! Я не сдамся!

Серж: Ты собрался воевать со Сталиным? Весь нынешнее ЦК смотрит ему в рот!

Зиновьев (яростно, с отвращением): Когда мы разговаривали, рядом с ним стоял Калинин и кивал головой на каждую его реплику, как китайский болван! Кем Коба себя считает? Вторым Лениным?!

Серж (тихо): Ленин сам привел его в ЦК...

Зиновьев: И ошибся!

Серж: Возможно...

Серж встает, ходит по комнате, Зиновьев молчит. Серж нечаянно задевает ногой чемодан, Зиновьев оборачивается, берет в руки предмет, который он так долго рассматривал, встает, идет к чемодану, с намерением уложить его туда.

Серж: Что это?

Зиновьев: В Кремле живут только члены ЦК. Меня выкидывают за дверь..., я уйду и унесу то, что мне дороже всего – посмертную маску старого Ильича!

Протягивает предмет Сержу, который берет в руки маску на черной подушке, долго рассматривает ее.

Затемнение.

Картина III

Кабинет Сталина. Сталин сидит за столом. Читает книгу, делая пометки карандашом на страницах. Поднимает глаза от страницы, берет с подставки трубку, набивает, закуривает. Встает из-за стола, прохаживается по кабинету, с удовольствием дымя. Время от времени, делает резкие повороты, «закладывая виражи». Останавливается, говорит сам себе:

- გამოსცორებას, და ჩვენ უბღა გავაკეთოთ) ⁽⁴³⁾

Идет к столу, берет книгу, читает, поднимая глаза от страницы:

- Учитель!

Длинно звонит телефон. Сталин берет трубку:

- Да!

В трубке мужской голос, такое впечатление, что говорит автомат, настолько безжизненно звучит голос:

- Товарищ Сталин, это Медведь ⁽⁴⁴⁾. Сегодня в Смольном убит товарищ Сергей...

Сталин едва не падает, опирается о стол рукой, молчит. Голос в трубке:

- Товарищ Сталин...

Сталин (таким же безжизненным голосом): Шляпы...

Кладет трубку. Некоторое время стоит у стола, не шевелясь, машинально сжимая в руке книгу. Его глаза бегают по строчкам. Закрывает книгу, бросает на стол. Обходит стол, садится в кресло, кладет трубку в пепельницу. Сидит неподвижно, губы дергаются, глаза скосились к переносице, лицо страшно. Говорит очень тихо:

მათ შეუძლიათ მე... (მათ შეუძლიათ მე...) ⁽⁴⁵⁾

Берет телефонную трубку:

- ГО 16-25 (не представляясь) Срочно ко мне!

Затемнение.

Картина IV

Квартира Виктора. Посуда сдвинута в угол стола, Виктор и Саша сидят рядом перед ноутбуком. Саша стучит по клавиатуре.

Саша: Ага! (Виктору). Слушай!

Голос журналиста:

- Киров появляется в Ленинграде в конце НЭПа и окончательно сворачивает НЭП в Ленинграде. После относительно шестилетнего затишья город принимает второй послереволюционный удар, меняющий его социальный состав. Киров проводит в жизнь постановление ВЦИК и Совнаркома РСФСР « Об ограничении проживания лиц нетрудовых категорий в национализированных домах». Это постановление адресовано тем коренным петербуржцам, которые, не смотря ни на что, не хотели покидать родной город....⁽⁴⁶⁾

Саша щелкает «мышкой», звук выключается.

Саша (Виктору): А теперь, давай найдем само постановление

Водит « мышкой».

Виктор: Ну, допустим...

Встает, подходит к тому краю стола, куда сдвинута еда, наливает в бокал коньяк.

Виктор (Саше): Налить?

Саша отрицательно помотал головой.

Виктор: «Когда в делах, я от безделья прячусь...»? ⁽⁴⁷⁾

Саша (продолжая орудовать «мышкой»): Нашел! Слушай:

«Эти категории жильцов в Москве выселялись в административном порядке к 1 октября 1929 г. без предоставления им какой-либо жилой площади. Вся освобождавшаяся жилая площадь согласно постановлению президиума Моссовета от 31 мая 1929 г. заселялась районными Советами исключительно рабочими и демобилизованными красноармейцами, т.е. предоставлялась "социально полезным" людям, как тогда говорили». ⁽⁴⁸⁾

Саша отрывается от монитора. Смотрит на Виктора.

Саша: А Киров осуществлял весь этот кошмар в Питере.

Виктор: «...обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их...» ⁽⁴⁹⁾

Саша: Ты не понимаешь, или притворяешься? Киров плоть от плоти Сталина ... Это миф, что он был порядочный и честный на фоне всех остальных, приди он к власти было бы тоже самое... Пели бы « О Кирове мудром, родном и любимом...»

Виктор: Ну, хорошо..., а высокий смысл всех твоих построений?

Саша: Они добивались, чтобы в стране остались одни *rednecks* ⁽⁵⁰⁾

Виктор (перебивая): Плюс быдловизация всей страны.?

Саша: Сделать человека быдлом невозможно, тут или, или

Виктор: С этим я бы поспорил. Один Беломорканал чего стоил.. Кто-то говорил: «Курить «Беломорканал», все равно, что курить папиросы «Освенцим»

Саша: Человек всегда оставался человеком...

Встает из-за стола, ходит по комнате.

Саша: Помнишь воспоминания Разгона ⁽⁵¹⁾ ?

Виктор: Уж тогда и Солженицына.

Саша: Нет...

Виктор: Ты не веришь Солженицыну?

Саша: Солженицын был обижен и обозлен.

Виктор (с иронией): Удивительно! А Разгон не был?

Саша подходит к Виктору, смотрит ему в глаза.

Саша: Дорогой друг мой, Виктор Леонидович, если Вы будете заедаться, не буду говорить более неприличных словес, то я Вам въеду в ухо!

Виктор: *"Я таки приказываю посторонних вещей на печке не писать под угрозой расстрела всякого товарища с лишением прав. Комиссар Подольского райкома.*

Дамский, мужской и женский портной Абрам Пружинер,

1918 года, 30-го января." (52)

Саша и Виктор смеются.

Саша: Какой писатель!

Виктор: Так ты договори, а то тебя, как понесет сейчас...

Саша: Другие люди, другой человеческий тип. Солженицын уже из нашего времени, а из *тех*, никто не кричал, « как я ненавижу этот шкребанный совок». Палачей, да, но не страну..., они и себя считали виноватыми в том, что произошло...

Виктор: Почему?

Саша: Потому, что выросли в стране с человеческими традициями, а мы все в зоне, которую вокруг нас создали борцы за мировую революцию..., которых эта же зона и съела... И понятия у нас зоновские, и психология... Причем самой поганой ссученной зоны

Виктор: Генетика...

Саша: Нет, друг мой, именно психология...

Картина V

Кабинет Сталина. Вокруг длинного совещательного стола отодвинуты стулья, только что в кабинете были люди. Сталин ходит по кабинету, не выпуская изо рта трубку. У совещательного стола стоит мужчина лет двадцати пяти-тридцати в форме офицера ГПУ-НКВД: петлицы крапового цвета с золотистой полоской, на левом рукаве четыре шитые золотом нарукавные звезды, одна из звезд внизу – это комиссар госбезопасности второго ранга Миронов (53). Сталин двигается по кабинету так, что периодически оказывается за спиной Миронова. Миронову приходится вертеться на одном месте, чтобы не стоять к Сталину спиной. Сталина такое поведение явно забавляет

Миронов: Каменев оказывает упорное сопротивление, товарищ Сталин...

Сталин (улыбнувшись): Так Вы думаете, он не сознается?

Миронов: Не знаю. Он твердо стоит на своем: никакой террористической организации замышлявшей убийство руководителей партии и правительства не было. Члены троцкистской оппозиции не имеют причастности к убийству товарища Кирова. Он все время повторяет, что все, что говорят Слуцкий и Рейнгольд, а, а тем более, Николаев следствие давления НКВД на психически неустойчивых людей...

Сталин, который только зашел за спину к Миронову, резко разворачивается. Миронов невольно делает шаг назад, чтобы не столкнуться со Сталиным.

Сталин (хрипло, с сильным акцентом): Скажите им, что они не остановят ход истории! Они могут только сдохнуть или спасти свою шкуру! Добейтесь того, чтобы они приползли к Вам на брюхе с покаянием в зубах! Зиновьев – истеричка! А Каменеву, скажите... (переходит на грузинский, сам не замечая этого) მე დაკრხობა ჯაჭუტარსი ხელეობით) (54)

Миронов смотрит на Сталина с ужасом. Сталин бежит из угла в угол по кабинету. Миронов не успевает поворачиваться к нему лицом, чем, в конце концов, смещит Сталина.

Сталин: Закмариси датснули! (საკმარისი დაწნული) (55) Товарищ Миронов, хватит, а то голова отвалится!

Миронов (испуганно): Извините, товарищ Сталин...

Сталин останавливается перед Мироновым, смотрит ему в глаза, говорит шутливо:

- А, как Вы думаете, сколько весит наше государство со всеми машинами, заводами, армией, флотом?

Миронов растеряно молчит.

Сталин: Ну, подумайте и ответьте мне...

Миронов: Не знаю, товарищ Сталин... , это из области астрономических величин...

Сталин (настойчиво): Ну, а один человек может противостоять давлению такого веса?

Миронов: Нет, конечно...

Сталин (веско): Так не говорите мне, что Каменев и Зиновьев могут противостоять такому давлению..., не приходите ко мне, пока у Вас в портфеле не будет их покаянных признаний... Можете идти.

Миронов пристукнув каблуками, идет к выходу. Сталин говорит ему вдогонку:

- Скажите Каменеву, что, если он на суде откажется подтвердить и признать все обвинения, мы найдем ему замену. Его собственный сын признается, что по заданию отца готовил террористический акт против руководства партии и лично товарища Кирова... Скажите, что мы имеем информацию, что его сын и Рейнгольд выслеживали Ворошилова и Сталина на Можайском шоссе..., и посмотрите, что будет!

Миронов: Есть!

Уходит.

Частичное затемнение.

Кабинет Сталина. В кабинете Ягода, Миронов, Ворошилов, Ежов. Сталин сидит за столом. По левую руку - в кресле - Ворошилов, по правую - стоит Ежов. Посреди кабинета стоят четыре стула. Охранники вводят Зиновьева и Каменева, усаживают их на стулья, Миронов и Ягода садятся рядом с ними. Охранники уходят.

Зиновьев выглядит больным и испуганным, глаза бегают, под взглядом Сталина опускает глаза. Каменев держится спокойно. У него измученный вид, борода совершенно седая, но он, выдержав взгляд Сталина, снимает очки, достает из кармана платок, протирает линзы.

Сталин (после паузы): Ну, что скажите?

Каменев: Нам обещали, что наше дело будет рассматриваться на заседании Политбюро..., лично товарищ Ягода (поправляется), гражданин Ягода.

Сталин (с усмешкой): Перед вами комиссия Политбюро. Товарищи уполномочили нас выслушать все, что вы скажите.

Каменев пожимает плечами, Зиновьев вопросительно смотрит на него. Каменев махнул рукой.

Зиновьев: Нам говорили о том, что мы несем моральную ответственность за гибель Кирова, мы согласились... Нам обещали, что это будет последняя жертва... (Сталину) обещали от Вашего имени.

Ежов: Кто мог давать такие обещания? Полная чушь!

Каменев: Ягода...

Ворошилов: Вранье!

Каменев: Вранье – то, к чему нас принуждают сейчас, взять на себя вину за какую-то мифическую организацию, которой нет и быть не могло.

Ежов: У нас есть показания свидетелей...

Каменев: Рейнгольда?

Ежов (нисколько не смутившись): Не только...

Каменев: Я уже доказал несостоятельность его показаний на очной ставке..., нужны еще доказательства?

Ворошилов: Мы уверены в вашей виновности!

Каменев: Уверенность, сродни вере, а вера категория парадоксальная...

Ворошилов возмущенно покачал головой.

Ягода (обращаясь к Камневу): Вам предлагали разоружиться перед партией, чтобы ни у кого не возникло сомнений в Вашей искренности...

Зиновьев (всплеснув руками): Разоружится?! Это какой-то фарс! Против нас готовят не суд – судилище, которое вымажет в грязи не только нас, но и всю партию! Члены ленинского Политбюро – беспринципные бандиты, а партия большевиков – группа зарвавшихся авантюристов! Клубок змей, люди не брезгающие никакими методами для достижения своих целей! Если бы это видел Ленин! (Рыдает, закрыв лицо руками)

Мионов встает, наливает стакан воды, подает Зиновьеву. Сталин выжидает пока тот успокоится.

Сталин: Плакать надо было прежде, чем вы затеяли борьбу с ЦК... Я говорил, предупреждал, что фракционный раскол ни к чему не приведет... хорошему. Теперь вы взываете к имени Ленина... Вам говорят: подчинитесь воле партии, вам и тем, кого вы завели в болото будет сохранена жизнь... Вы не хотите из ложной принципиальности..., так кто виноват?

Каменев: Гарантии?

Ворошилов: Что?

Каменев: Гарантии того, что вы нас не расстреляете, не будете преследовать членов наших семей?

Ворошилов (хмыкнув, обращается к Сталину): Это переходит всякие границы! Еще и торгуются! Верх цинизма! (обращаясь к Каменеву) Да, Вы должны быть благодарны Сталину, что вас вовремя арестовали! Иначе вас бы разорвала толпа! И черт с вами!

При этих словах Зиновьев истерически всхлипывает, Каменев смеется. Ворошилов в возмущении хлопает себя по коленям.

Каменев: Григорий! Прекрати немедленно! (Ворошилову) А, давайте, проведем эксперимент..., вот и посмотрим!

Сталин встает и начинает ходить по кабинету. Двигается мягко, его шаги почти не слышны.

Каменев: Коба, ты думаешь над моим предложением?

Зиновьев в ужасе смотрит на Каменева, но тот, что называется, закусил удила и ведет себя, как человек, которому нечего терять.

Сталин (спокойно): Нет... Я думаю, что вы оба утратили способность мыслить диалектически и рассуждаете, как обыватели. Разве мы не можем расстрелять вас просто так как предателей?

При этих словах Зиновьев чуть не свалился со стула, Миронов вздрогнул. Сталин усмехнулся в усы.

Сталин: Вот товарищ Миронов со мной не согласен...

Смотрит на Миронова. Ягода, который до этого сидел неподвижно, дернулся в сторону Миронова. ис-подтишка покрутил . Сталин снова усмехнулся.

Миронов: Товарищ Сталин, я думаю, что Вы сказали это сейчас для того, чтобы продемонстрировать гражданам Зиновьеву и Каменеву силу советской законности....

Сталин (кивнув): Правильно мыслите, товарищ Миронов... А товарищ Ягода напрасно пугается... Я ценю в сотрудниках честность и принципиальность.

Шутливо грозит Ягоде, тот кивает головой и разводит руками.

Сталин (Каменеву) Вы должны понять, что процесс будет не против вас, а против Троцкого, который и вас ввел в заблуждение... Если вас не расстреляли в двадцать шестом, когда вы так активно боролись против ЦК, почему мы должны делать это сейчас, когда вы своим согласием поможете партии бороться с Троцким?

Каменев (переглянувшись с Зиновьевым): Остается вопрос, чему из того, что мы сейчас услышали, можно верить?

Сталин (веско): Всему ... Наши товарищи совершили ошибку, тяжелую ошибку, их вина велика..., но мы все ученики Ленина, все... Мы не будем проливать кровь старых партийцев...

Каменев решительно встает:

- Хорошо, мы предстанем перед судом, если нам дали слово, что никого из старой ленинской гвардии не ждет расстрел, что их семьи не будут преследоваться, равно, как не будут преследоваться и старые партийцы за свое участие в оппозиции.

Сталин: Вот это слова большевика! Само собой разумеется.

Подходит к Каменеву, протягивает ему руку, Каменев пожимает руку Сталина.

Сталин: Я всегда уважал твою способность трезво оценивать ситуацию... (Хлопает Каменева по плечу).

Частичное затемнение.

Ягода и Миронов на авансцене, в световом пятне.

Ягода: Ну, ты меня напугал! Думаю, с ума сошел! Сталину возражать! Да, еще из-за кого!

Миронов: Я и сам испугался..., думал, сейчас грянет гром..., но Сталин и мудрее, и тоньше нас. Все наши допросы, очные ставки..., сколько мы уже их уговариваем, давим на них, а он одним махом...

Ягода: На то и Хозяин!

Миронов усмехнулся.

Где-то хлопнула дверь, быстрые шаги. К Ягоде и Миронову подходит сияющий Ежов.

Ежов: Видели?! Как он их! За пять минут! И поверили!

Ягода (сдержано): Сталин дал слово, как можно ему не верить?!

Ежов (со смехом): Кому он дал слово? Этим?! Вы что, не поняли?! Горе-чекисты!

Уходит смеясь, чуть ли не вприскок.

Миронов (вслед Ежову): Мерзавец!

Ягода: Тише...

Миронов: Ты думаешь, он прав?

Ягода: И думать нечего...

Картина VI

Камера – полуподвальное помещение, довольно светлое, нары, застеленные серыми одеялами, два стула, справа от актеров запертая дверь. На одном из стульев сидит Каменев, читает книгу. Зиновьев ходит по камере, почти бегают. Временами останавливается и начинает что-то бормотать вполголоса.

Каменев: Григория, что ты мечешься? Успокойся! Тебе, действительно нужно нервы лечить!

Зиновьев: Я не понимаю... (ерошит себе волосы), не по-ни-маю!

Каменев: Чего?

Зиновьев: Почему нас держали по одиночке, а теперь держат вместе?

Каменев (пожав плечами): Мы им больше не опасны и не нужны...

Зиновьев: Он же обещал! Это ошибка, его видимо вводят в заблуждение!

Каменев (засмеялся): Григорий! Да, ты что? Ты не понял, что этот фарс был разыгран в лучших традициях термидора!

Зиновьев: Так ты думаешь... Боже! (Падает на стул, закрывает лицо руками).

Каменев: И думать нечего... Мы не уберегли нашу революцию от термидора, история осудит нас именно за это!

Зиновьев (истерически): Тебе не все равно, если через несколько часов все кончится?!

Каменев: Нет! Мне не все равно, что будут говорить обо мне мои внуки (мрачно), конечно, в том случае, если они до них не доберутся наши друзья... Мне не хочется, чтобы не мою могилу плевали...

При последних словах Каменева дверь со скрипом открывается. Зиновьев кидается в темный угол камеры и замирает там, Каменев спокойно встает со стула, откладывает книгу. В камеру входят Ежов, Ягода, и четверо охранников в форме НКВД.

Ежов: Гражданин Каменев, именем закона Союза Советских Социалистических республик, приговор, вынесенный по делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского

центра», будет приведен в исполнение сегодня 25 августа 1936 года. (Охранникам).
Конвоировать осужденного к месту приведения приговора в исполнение.

Каменев делает шаг по направлению к охранникам, говорит Ежову, глядя на него в упор:

- А двоих-то зачем? Вы так меня боитесь?

Ежов делает яростное движение, но сдерживается.

Ежов: Гражданин Зиновьев, именем закона Советских...

Вопль Зиновьева заглушает голос Ежова, Зиновьев кидается к Ягоде, падает у его ног на колени:

- Нет, я не хочу! Позовите товарища Сталина! Это произвол! Я умоляю!

Ежов (орет охранникам): Чего стоите пнями! Берите его!

Двое охранников рывком поднимают Зиновьева с колен, оттаскивают от Ягоды, Зиновьев бьется у них в руках, продолжая кричать:

- Нет! Я же признал свою вину! Вы не имеете права!

Второй охранник, который должен был вести Каменева замер в ужасе.

Каменев: Григорий, перестань! Умрем достойно!

Зиновьев истерически рыдая, повисает на руках охранников, те тащат его к двери камеры, слышны вопли Зиновьева:

- Шма Исраэль Адонай Элоэину Адонай эхад ⁽⁵⁶⁾ .

Каменев в сопровождении охранника и Ежова выходит сам. В камере задержались Ягода и охранник.

Ягода: Сержант, преступить к конвоированию осужденных! (Подходит к двери).

Охранник вдруг начинает мелко креститься и бормотать:

- Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе; мы немощны, а вы крепки; вы в славе, а мы в бесчестии... Даже доньше терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками... ⁽⁵⁷⁾

Ягода поворачивается от дверей, в немом изумлении смотрит на охранника.

Занавес. Конец первого действия.

... «Письмо к съезду» ⁽²⁸⁾ — письмо В. И. Ленина, написанное в конце 1922 года и содержащее оценку его ближайших соратников. Письмо было оглашено в 1924 году на XIII съезде РКП(б) Н. К. Крупской. Сталин на этом заседании впервые заявил об отставке. Каменев предложил решить вопрос голосованием. Большинство высказалось за оставление Сталина на посту Генерального секретаря РКП(б), против голосовали только сторонники Льва Троцкого.

...**Генрих говорил** ⁽²⁹⁾ ⁽³⁴⁾ - **Ягода Г.Г.** (имя при рождении — Енох Гершевич Иегуда (7 (19) ноября 1891 год, г. Рыбинск, Ярославской губ. — 15 марта 1938 года, Москва) — один из главных руководителей советских органов госбезопасности (ВЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД), нарком внутренних дел СССР (1934—1936), первый в истории «генеральный комиссар государственной безопасности». 28 марта 1937 г. арестован НКВД. Расстрелян 15 марта 1938 года в Лубянской тюрьме НКВД. 2 апреля 2015 года Верховный Суд Российской Федерации принял решение отказать Г.Ягоде в реабилитации.

Это пишет мне рабочий Темкин с «Красного путиловца» ⁽³⁰⁾ – действительно, рабочий Темкин написал в 1927 г. Сталину. «Красный путиловец» - Путиловский завод, потом Кировский завод, г. Санкт-Петербург.

... генерал Гильчевский ⁽³¹⁾ – Гильчевский К.Л. (31) - (5 марта 1857 — ?) — русский генерал-лейтенант, участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и первой мировой войны. История с письмом М.И. Калинину реальна. Удивителен тот факт, что после этого резкого и честного письма Гильчевского не только не репрессировали, но разрешили к изданию его военные мемуары.

Позвони Якиру ⁽³²⁾ - Йо́на Эммануи́лович Яки́р (3 (15) августа 1896, Кишинёв, Бессарабская губерния — 12 июня 1937, Москва) — командарм 1-го ранга (1935). марте 1924 — ноябре 1925 г.г. — начальник Главного управления военно-учебных заведений РККА. Командующий войсками Украинского военного округа (ноябрь 1925 - 17 мая 1935) Арестован 28.05.1937 г Видный военачальник времён Гражданской войны. Расстрелян в ходе Сталинской чистки (1937). Посмертно реабилитирован (1957).

Вит! (ვით) ⁽³³⁾ (груз.) – недоумок.

Виктор Серж ⁽³⁵⁾ – Кибальчич В.Л., более известный под псевдонимом Виктор Серж (30 декабря 1890, Брюссель — 17 ноября 1947, Мехико) — писатель, журналист, член Коминтерна, работал у Г. Зиновьева в Третьем Интернационале. С 1923 года он примыкал к антисталинской левой оппозиции, за что в 1928 году был исключён из партии. В 1933 году был арестован, затем выслан в Оренбург. Благодаря заступничеству Романа Роллана Сталин в 1936 году разрешил Кибальчичу покинуть СССР.

«Мы боремся против Троцкого, Зиновьева и Каменева не потому, что они евреи, а потому, что они оппозиционеры» ⁽³⁶⁾ - заявление Политбюро в газете «Правда» после объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 23 октября 1927 г.

Победитель Юденича! ⁽³⁷⁾ - в 1919 г. Зиновьев был назначен председателем Комитета революционной обороны, но фактически наступление Юденича на Петроград, в сентябре-октябре 1919 г., остановил Троцкий, не дав белым перерезать Николаевскую железную дорогу, что позволило ему беспрепятственно перебросить подкрепления под Петроград и создать многократное превосходство красных над противником.

Каменева выкинули из ЦК! ⁽³⁸⁾ - в октябре 1926 года Каменев выведен из Политбюро, в апреле 1927 года — из Президиума ЦИК СССР, а в октябре 1927 года — из ЦК ВКП(б). В декабре 1927 года на XV съезде ВКП(б) Каменев исключён из партии. Выслан в Калугу. Вскоре выступил с заявлением о признании ошибок.

Свердлов был прав – ты истеричка ⁽³⁹⁾! – Серж имеет в виду слова Я. Свердлова: «Зиновьев – это паника!»

... ещё драгоценное бельё для Лилиной и всяких других «содкомок», духи, мыло, наборы для маникюра, кружева» ... ⁽⁴⁰⁾⁽⁴¹⁾⁽⁴²⁾- журнал «KONTINENT», Т. Боярский «Соратник Ленина Григорий Зиновьев» - <http://www.kontinent.org>

- Гамосцорebas, да чвен унда гавакетот (გამოსცორებას, და ჩვენ უნდა გავაკეთოთ) ⁽⁴³⁾ (груз) – «Правильно, так и надо поступить».

Медведь ⁽⁴⁴⁾ – Медведь Ф.Д. (1889/1890, д. Масеево, Пружанский уезд, Гродненская губерния — 27 ноября 1937, Москва) с15.07.1934 по 03.12.1934 начальник Управления НКВД СССР по Ленинградской области. 07.09.1937 арестован и затем расстрелян.

მათ შეუძლიათ მე... (მათ შეუძლიათ მე...) ⁽⁴⁵⁾ (груз) – «Они и меня могут...»

Киров появляется в Ленинграде в конце НЭПа ⁽⁴⁶⁾ – отрывок из документально-исторического цикла Н.К. Сванидзе «Исторические хроники с Николаем Сванидзе» «1935г. Сергей Киров». - www.youtube.com

«Когда в делах, я от безделья прячусь...»⁽⁴⁷⁾ – цитата из комедии А.С. Грбоедова «Горе от ума»

«Эти категории жильцов в Москве выселялись...»⁽⁴⁸⁾ – цитата из монографии Н. Лебиной «Советская повседневность: нормы и аномалии», «Новое литературное обозрение» 2015г. Гл. 2. «Дискурсы и реалии советской жилищной политики» - <https://books.google.ru>

«...обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их...»⁽⁴⁹⁾ – М.А.Булгаков, р. «Мастер и Маргарита», гл. 12 «Черная магия и ее разоблачение»

Rednecks⁽⁵⁰⁾ (англ) — «Красношеие» — жаргонное название белых фермеров, жителей сельской глубинки США, вначале преимущественно юга, а затем и области при горной системе Аппалачи. Примерно соответствует русскому «деревенщина», «жлоб», «быдло» .

...воспоминания Разгона⁽⁵¹⁾ – Разгон Л. Э. (1 апреля 1908, город Горки, Могилёвская губерния, — 8 сентября 1999, Москва) — русский писатель, литературный критик, правозащитник. Узник ГУЛАГа. Один из основателей Общества «Мемориал». В 1989 г. Книга Л.Разгона «Непридуманное» была опубликована.

"Я таки приказываю посторонних вещей на печке не писать ..."⁽⁵²⁾ – цитата из р. М.А. Булгакова «Белая гвардия»

Миронов⁽⁵³⁾ – Мирóнов Л.Г. (*Лéйб Гíршевич Кáган*; 1895, Пирятин, Полтавская губерния, Российская империя — 29 августа 1938, «Коммунарка», Московская область, СССР) - сотрудник ВЧК — ОГПУ — НКВД. Комиссар государственной безопасности 2-го ранга. 14.06. 1937г. Миронов был арестован. 29 августа 1938 года ВКВС приговорён к смертной казни. Расстрелян в тот же день на «Коммунарке».

- ... **Ме дакрхоба закутари кнелебит!** (მე დახრჩობა საკუთარი ხელებით)⁽⁵⁴⁾ (груз) - «Я придушу его собственными руками!».

Закмариси датснули! (საკმარისი დაწბულო)⁽⁵⁵⁾ (груз) – «Прекрати крутиться!»

- **Шма Израэль Адонай Элоэйну Адонай эхад**⁽⁵⁶⁾ (ивр) - «Слушай, Израиль: Господь – Бог наш, Господь один!» - молитва «Шма Израэль»

- **Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе**⁽⁵⁷⁾ – Свт. Иоанн Златоуст «Первое послание в Коринфянам» - 4:10.

В новелле использованы фрагменты из:

Произведений М.А. Булгакова «Белая гвардия», «Мастер и Маргарита»

Материалов сайта <http://trst.narod.ru>

Материалов из цикла Н.К. Сванидзе «Исторические хроники с Николаем Сванидзе»

Материалов Википедии – свободной энциклопедии

Материалов из книги Л.Э. Разгона «Непридуманное»

Действие II

Новелла четвертая

«Кесарю кесарево»

Действующие лица:

Саша

Виктор

Юлий

Андрей

Людмила

Кронид

Юрий Владимирович
Первый мужчина
Второй мужчина
Гости Людмилы

Картина I

Квартира Виктора. Саша сидит в кресле у стола, рассматривает что-то на мониторе, Виктор ходит туда-сюда по авансцене.

Виктор: Если кто нас подслушивает, решит, что мы оборвались из психушки.

Саша (не отрываясь от монитора): Интересный пассаж.

Виктор: Начали за здоровье, а кончаем, вечным интеллигентским вопросом: «кто виноват».

Саша: Это признак сумасшествия? Не знал...

Виктор: Зачем задавать себе вопрос, когда не знаешь, что ответить...

Саша (поднимая глаза):

- Но гениальный всплеск похож на бред.

В рождение смерть проглядывает косо.

А мы все ставим каверзный ответ

И не находим нужного вопроса.

Виктор: Это что?

Саша: Высоцкий «Мой Гамлет»

Виктор: Не знал, что у него есть такие приличные стихи...

Саша: Ой, Вить, не начинай! Оскомина уже!

Виктор подходит к столу, опирается о столешницу руками.

Виктор (раздраженно): Мне не нравится Высоцкий. Он должен мне нравиться потому, что боролся с системой? Если хочешь знать, Бродский, Рейн и Евтушенко сильнее как поэты! А из него сделали икону и провидца!

Саша: Вот! В самую точку! Сделали! Заметь, не он из себя, а из него! Очень типично! «Здесь охотно венчают героя, но в могилу сперва упекут»!

Виктор: А это к чему?

Саша встал, раздраженно оттолкнул кресло. Прошелся по авансцене. Виктор сел в кресло, вытянул ноги.

Виктор: Идиотизм! Собираются два нормальных мужика, в кои-то веки раз, так и то..., обязательно надо друг друга завести на политику... Вот, скажи, чего мы завелись?

Саша: Потому что... ты стоишь на сталинских позициях, а я на антисталинских.

Виктор встает, подходит к Саше и кладет ему руку на лоб.

Виктор: Да-а-а... Сатурну больше не наливать!

Саша (отмахивается): Это когда-то была «загадочная русская душа», а теперь «как живете, караси»⁽⁵⁸⁾. Ты думаешь, почему у нас все так, как есть? Потому, что нам надо, чтобы нас боялись и самим бояться, тогда все нормально... Мы – Шариковы и Швондеры, а Преображенских и Борменталей⁽⁵⁹⁾ убили, выслали, а тем, которые от большого ума остались или вернулись, систематически затыкают рот.

Виктор: А я-то в чем я сталинист?

Саша: Ай, ладно... (Машет рукой).

Виктор: Мне, между прочим, до трусов обидно... я усатого, знаешь, тоже не уважаю...

Саша выдвигает кресло из-за стола, садится напротив Виктора.

Саша: Больно длинно получится...

Виктор: Давай длинно.

Саша: Вот смотри, мы с тобой родились в семидесятых, когда были сиськи-масиськи, афганская война, андроповские облавы в кинотеатрах, черненковская борьба с рокерами и неформалами, вранье без конца и без каря, мы в этом выросли...

Виктор: Ну?

Саша: Пришел Горбачев..., а теперь вспомни, как его сначала на руках носили, а потом кричали, что он развалил Союз...

Садится на край кресла. Старается говорить спокойно, но срывается на резкий, почти злой тон.

- Вить, вот ты нормальный, молодой мужик, не маразматик, не упертый политик, не купленный журналюга, скажи мне, как один человек может разрушить целую страну? В Германии такое возможно? В Англии, в тех же США?

Виктор: Гитлер в тридцать третьем смог...

Саша чуть не подпрыгивает на кресле.

Саша: Правильно! Но он был не один, это раз, а, второе, знаешь, что моя бабушка рассказывала? Когда в Курск пришли немцы...

Виктор (перебивает): А твоя бабушка разве из Курска?

Саша: Да... Один из немцев, он был из инженерных войск, попал на фронт по мобилизации, пошел, чтобы семью в лагерь не закатали..., так вот, он ей сказал: «Фрау Лиза, нашего Гитлера и вашего Сталина, связать и утопить в одном толчке!»

Виктор: И не испугался?

Саша: Нет... немцы вытащили ноги из своего шайза, а мы, скоро сто лет будет, как в нем плюхаемся... Говорить не стоит...

Саша достает из кармана сигареты, закуривает.

Саша: Достань пепельницу, плиз.

Виктор ставит на стол пепельницу.

Виктор: Тогда и мне дай.

Саша (протягивает Виктору пачку сигарет): Ты ж бросил...

Виктор: Та ладно... продолжай, интересно.

Виктор закуривает.

Саша: Пойдем дальше... Про Ельцина с Гайдаром, что несли? Помнишь, как ты мне говорил, что Гайдар убил экономику СССР?

Виктор: Нет, честно говоря...

Саша: Так-то, брат Пушкин, мы ничего не помним, что нужно, а помним, только сильную руку, которая нас давит... и делаем то же самое... «Каждая собака прыгает, как безумная, когда ее спустишь с цепи, а потом сама бежит в конуру»⁽⁶⁰⁾.

Виктор: А вот это я помню...

Саша: Тот же Гайдар пытался выстроить грамотную экономику, как Столыпин в свое время... Ты знаешь, кстати, что он и академик Львов были первыми, кто заговорил в бывшем союзе о земельной ренте?

Виктор: Нет, а, кто такой Львов? ⁽⁶¹⁾

Саша: Профессор Преображенский от экономики. Так их с Гайдаром заукали и зашикали, а теперь, мы кушаем «сказки про олигархов», не замечая, что самый главный олигарх – государство с экономикой, построенный на выкачивании ресурсов..., как раньше на труде зеков...

Протягивает руку, пожимает руку Саше.

Виктор: Саха, ты грамотный чувак..., серьезно, респект и уважуха!

Саша: Спасибо... (Немного помолчал) Вить, только честно, вот ты заводишься по поводу серебряного века, Высоцкого, диссидентов, завидуешь?

Виктор встает, берет со стола бокалы, наливает коньяк Саше и себе, протягивает Саше бокал, тот берет.

Виктор: Это не зависть, а чувство неудовлетворенности. (Отпивает из бокала).

Саша: Чем?

Виктор: Кем... всеми, кто хотел сделать, как лучше, а получилось...

Саша: А, скажи, пожалуйста, остальные, которые устроили форменный геноцид, повальное оглушение нации при непосредственной помощи КГБ и пропаганды, которая только в трусы тебе не лезла, а сейчас опять делают из России неандертальца с ядерной дубиной, тебя полностью удовлетворяют?

Виктор: Нет..., но я считаю, не можешь что-то изменить – сиди не вякай.

Саша: А просто высказать свое мнение, и при этом не получить по башке нельзя?

Виктор: А кого оно интересует за просто так? Раз открыл рот – отвечай.

Саша: Даже, если все, что делают умные дяди при власти, вранье от первого до последнего?

Виктор: Даже если... не хрен кренить и так еле плывем.

Саша (помолчал): Считаю, что я тебе ответил....

Отпивает из бокала.

Затемнение.

Картина II

Вечеринка. На авансцене накрытый стол. За столом трое мужчин ведут оживленный разговор, долетает хохот, звуки фокстрота. Женский голос:

- Нет, вы посмотрите, и это фокстрот?! Слон в посудной лавке и тот лучше танцует!

Слышен смех, оживленные мужские и женские голоса.

Первый мужчина: Женя получил от Людочки отлуп!

Второй мужчина: Андрей, а ты за кого?

Андрей (пафосно): Я за справедливость.

Смеются.

Второй мужчина: погоди, давай разберемся. Справедливость - какого рода. Если с точки зрения Женьки, то, конечно, справедливостью и не пахнет, он ах (вытягивает руки вперед, будто хочет кого-то обнять), а ему на-х...

Андрей захохотал, сквозь смех:

- Юлий, прекрати, а то меня разорвет!

Юлий: А ты больше не пей, а то все забрызгаешь...

Смеются.

Входит молодая женщина, темноволосая худенькая, движения немного угловатые, но очень изящные.

Женщина: Что за смех?

Юлий: А, вот и героиня наша! Людмила, ты зачем Евгения отбрила?

Людмила: Потому, что он танцевать не умеет, наступает на ноги и руки сжимает. (Крутит руками, поднимая ладони вверх). Все кисти будут в синяках! Ну вас!

Юлий смеется.

Андрей встает из-за стола немного нетвердо двигается, идет к Людмиле, картинно падает перед ней на колени. Людмила делает шаг назад, смеется.

Андрей:

- Для вас, души моей царицы,
Красавицы, для вас одних
Времен минувших небылицы,
В часы досугов золотых,
Под шепот старины болтливой,
Рукою верной я писал;
Примите ж вы мой труд игривый!
Ничьих не требуя похвал,
Счастлив уж я надеждой сладкой,
Что дева с трепетом любви
Посмотрит, может быть украдкой,
На песни грешные мои. ⁽⁶²⁾

Людмила (смеясь): Андрей, ты пьян, как фортепьян!

Андрей встает, чуть пошатываясь:

- Людочка, души моей царица, принеси гитару!

Людмила: Сейчас.

Выходит. Слышен ее голос:

- Андрей петь собрался!

Смех.

- Значит, уже надрался!

Люда возвращается с гитарой. Андрей берет гитару, садится на стул возле стола. Берет несколько аккордов, поет довольно приятным хрипловатым голосом:

- Абрашка Терц – карманщик из Одессы,
А Сонька-****ь известна всей Москве.
Абрашка Терц всё рыщет по карманам,
А Сонька-****ь хлопчет о себе.

Абрашка Терц собрал большие деньги,
Таких он денег сроду не видал,
На эти денежки он справил именинки
По тем годкам, которые он знал.

Купил он водки, водки и селедки,

Созвал гостей и сам напился пьян,
И кто с гитарой, кто с пустой рукою,
А сам Абрашка взялся за баян.

Андрей шутливо раскланивается. Общий смех. Голоса:

- Bravo! Андрей, дальше!
- Лучше не придумаешь!
- А это настоящая блатная, или переделка?
- Это беломорская...

На секунду голоса затихли. Юлий наливает стаканы, один протягивает Андрею:

- За твоего и моего!

Андрей пьет, снова раскланивается:

- Абрам Терц к вашим услугам!

Общий смех. Мужчина, который сидел с Андреем и Юлием за столом в начале картины, встает из-за стола, отходит вглубь сцены, спрашивает кого-то:

- Андрей действительно печатается под таким маргинальным псевдонимом?

Мужской голос:

- Ну, почему маргинальным? Хороший выбор, главное (выделяет слово интонацией) там никому в голову не придет...

Затемнение.

Та же комната. Полутемно. За столом на авансцене сидит Людмила. У стола еще один свободный стул. Быстро входит мужчина в темном пальто и кепке. Люда поднимает голову. Мужчина подходит к столу, снимает и бросает на него кепку.

Людмила: Что?

Мужчина: Все, правда...

Людмила: Так... (встает из-за стола, ходит по авансцене).

Мужчина: Я все время пытаюсь понять, кто...

Людмила: Кто угодно... Случайно мог болтнуть, а рядом случился, кто не надо.

Мужчина: Слушай, а этот парень, который все время лип к Юлию, когда мы последний раз у тебя собирались?

Людмила: Я его не знаю... Его Юлий и привел...

Мужчина: Понятно... Пойдем воздухом подышим?

Людмила вопросительно поднимает глаза. Мужчина обводит комнату глазами, показывая куда-то вверх. Людмила понимающе кивает.

Затемнение.

Людмила и мужчина медленно идут по авансцене. Слышен шум машин. Они проходят под луч уличного фонаря, останавливаются.

Людмила: Что им инкриминируют?

Мужчина: Ну, как ты думаешь? Их публикации на западе..., клевета, антисоветчина, (раздраженно) вынос сора из избы... Господи, в этой стране ничего и никогда... Я предупреждал и Юльку и Андрея, что у них говорящие псевдонимы... Нужно было что-то более нейтральное...

Людмила (со смешком): Например, член-корр. Петров?

Мужчина пожимает плечами.

Мужчина: Что будем делать?

Людмила: Во-первых, добиваться, чтобы процесс был открытым...

Мужчина: Саша и Валера собираются митинговать ⁽⁶³⁾

Людмила: Когда?

Мужчина: Пятого...

Людмила: В день Конституции?

Мужчина кивает.

Людмила: Да... Юра, вы все-таки постарайтесь ..., это не стихи читать на маяковке... ⁽⁶⁴⁾

Юрий: Людочка, это лишнее, мы мужчины, вы по возможности не суйтесь...

Людмила: Это, как получится...

Затемнение.

Картина III

Служебный кабинет. Справа от актеров дверь. В глубине сцены письменный стол, длинный совещательный стол выдвинут на авансцену, вокруг него четыре стула. Главная черта кабинета – идеальный порядок. За совещательным столом двое мужчин. Первому лет двадцать семь-тридцать на вид, второму около пятидесяти. Лица стертые невыразительные, очень стереотипная внешность, такая же, как манера держаться, одежда, голоса, позы, люди с советских плакатов. За письменным столом сидит мужчина, но его почти невидно, свет только над совещательным столом, в глубине сцены полутемно.

Голос мужчины, сидящего за письменным столом:

- Продолжайте...

Первый мужчина: Таким образом, мы имеем дело не с отдельными проявлениями, а с организованной группой...

Мужчина, сидящий за письменным столом:

- С оппозицией?

Второй мужчина, обращаясь к тому, кто сидит за письменным столом:

- Юрий Владимирович, оппозиции у нас нет. Мы имеем дело с отдельными личностями. Недовольными интеллигентами... Их не воспринимают всерьез, осуждают. В редакцию «Правды» поступают сотни писем...

Юрий Владимирович: Каких?

Второй мужчина: Требуют более жесткого приговора Синявскому и Даниэлю, этим «семерым» с Лобного... ⁽⁶⁵⁾

Юрий Владимирович резко встает, с грохотом отодвигает стул, делает несколько шагов. Он невысокого роста, седые волосы зачесаны со лба, квадратные очки закрывают глаза. Говорит спокойно, но чувствуется сдержанное раздражение:

- Все хорошо прекрасная маркиза? Вы меня успокаиваете? Спасибо! Но это не аналитический доклад, а школьная политинформация... Мы не на Политбюро... Вы понимаете, что происходит? Это не борьба Сталина с троцкистами... Это все хрущевский

доклад на двадцатом съезде..., эти люди не за власть борются, а с властью ... С Советской властью!

Первый мужчина (неожиданно для себя): За души...

Второй мужчина чуть не подскочил на стуле, обращаясь к первому:

- Ты соображаешь, что мелешь?!

Юрий Владимирович: Он прав! Чего ты подскочил?

Второй мужчина: Ну, знаете ли, товарищи, мы так договоримся...

Юрий Владимирович барабанит пальцами по столу.

Юрий Владимирович: Хорошо... За умы..., так тебе больше нравится?

Второй мужчина: Я привык работать с фактами, а не с душами ...

Юрий Владимирович: Вот это-то и плохо... (Молодому мужчине). Продолжай...

Первый мужчина: Считаю, необходимым включить в оперативную разработку всех, кто поддерживает движение так называемых правозащитников и сочувствующих...

Юрий Владимирович: Кого?

Второй мужчина: Хельсинской группы... (Первому). Всех... Ты соображаешь, сколько народу нужно?

Юрий Владимирович: Сколько нужно, столько и будет... Понятно... (ходит по кабинету) вы понимаете, какая стоит задача? Выявить всех... (с нажимом) всех! Про деятельность Орлова, Алексеевой, Сахарова известно ⁽⁶⁶⁾...

Второй мужчина: Сахаров не состоит в группе, это его жена ...

Юрий Владимирович: Солженицын тоже не состоит... (Помолчав). В общем, так, товарищи, послезавтра мне нужна аналитическая выкладка, полнейшая ...

Первый мужчина (встает из-за стола): Есть. Разрешите идти?

Юрий Владимирович: Идите. И привлеките свое подразделение...

Молодой мужчина: Отдел, Юрий Владимирович...

Юрий Владимирович (чуть насмешливо): Кого хочешь, но чтобы послезавтра!

Второй мужчина тоже встает.

Юрий Владимирович: А ты останься, есть вопросы...

Первый мужчина выходит. Юрий Владимирович идет к письменному столу, наклоняется, что-то достает из ящика стола.

Юрий Владимирович: Слушай, Виктор, сколько мы с тобой работаем вместе?

Второй мужчина: Полтора года.

Юрий Владимирович выпрямляется, в руках у него бутылка, в другой два бокала. Подходит к совещательному столу, ставит бутылку на стол, высматривает бокалы на свет.

Юрий Владимирович: Юбилей. (Протягивает собеседнику бутылку) Открой...

Второй мужчина (неуверенно): Юрий Владимирович, так мы на службе...

Юрий Владимирович (качает головой): Вышколил я вас... (Смотрит на часы). Половина первого ночи... Открывай... Мы же не напиваться, а как стимулирующее средство..., для дома, для семьи...

Смеются. Второй мужчина открывает бутылку, наливает.

Юрий Владимирович: Обрати внимание, французский...

Смачивает губы, ставит стакан нетронутым, его собеседник пьет, смакуя коньяк.

- Ну, и как?

Второй мужчина: Армянский лучше...

Юрий Владимирович (посмеивается): Ценю твой патриотизм... Эх... (Берет свой стакан, нюхает букет напитка). Хоть запах...

Второй вынимает из кармана пачку сигарет. Вопросительно смотрит на Юрия Владимировича. Тот кивает. Приносит с письменного стола пепельницу. Второй мужчина закуривает.

Второй мужчина: Могу гордиться, сам председатель КГБ СССР разрешил закурить в своем кабинете...

Юрий Владимирович: Заметь, только тебе разрешаю...

Второй мужчина (с улыбкой): Я заметил...

Юрий Владимирович прохаживается по кабинету.

Юрий Владимирович: Так вот, Виктор, нужно нам серьезно подумать, как дальше работать...

Второй мужчина: Если Вы по аналитике, Юрий Владимирович, так сделаем...

Юрий Владимирович: Ты меня не понимаешь...

Второй мужчина: Нет...

Юрий Владимирович: Виктор, только откровенно, тебе нравится, что в стране происходит?

Второй мужчина: Смотря о чем Вы...

Юрий Владимирович: Ты прекрасно понимаешь, о чем...

Второй мужчина: Не совсем... Вы действительно просите откровенно?

Юрий Владимирович кивает.

Второй мужчина: У нас связаны руки... ЦК, Политбюро..., а информация только у нас, а у них только «обезвредить, не допустить»..., а потом, на ковер и «почему»... Я помню, как при Владимире Ефимовиче ⁽⁶⁷⁾ ... (машет рукой). А, знаете, что хуже всего?

Юрий Владимирович: Ну?

Второй мужчина: Не знаешь, кто тебе, кто...

Юрий Владимирович: Кто враг, кто друг?

Второй мужчина кивнул, смял в пепельнице окуроч.

Второй мужчина: Вот этот молодой (кивает на дверь вслед ушедшему сотруднику), а чей он? А, если Щелоковский ⁽⁶⁸⁾, а, если выше..., извините, Юрий Владимирович...

Юрий Владимирович: Почему, извините..., вот, что Виктор, я тебя прошу, как товарища, осторожно, не торопясь, не рубя с плеча..., про кого сможешь...

Второй мужчина кивает.

Второй мужчина: И лично Вам? Или можно помощнику?

Юрий Владимирович: Лично мне... У тебя есть в МВД свои люди?

Второй мужчина снова кивает.

Юрий Владимирович: Это первое... Второе, вся информация МИД, Совет Министров...

Второй мужчина: Да, наверно я немного могу..., слухи разве...

Юрий Владимирович: Сгодится... Мы должны обладать всей полнотой информации...

Второй мужчина: Это понятно... Кого подключить?

Юрий Владимирович: Кому доверяешь... полностью...

Второй мужчина: А, что касается ...

Юрий Владимирович (перебивая): А, что касается антисоветчиков..., рабочие моменты... В ближайшее время соберем всех руководителей отделов пятого управления ⁽⁶⁹⁾ ..., нам нужно проникать глубже... второй «Дунай» ⁽⁷⁰⁾ не ко времени и у себя работы хватит...

Второй мужчина: Понял, Юрий Владимирович...

Юрий Владимирович: Ладно, иди..., поздно уже...

Второй мужчина встает, Юрий Владимирович жмет ему руку.

Затемнение.

Картина IV

Квартира. Полки с книгами. На авансцене круглый стол похолодевший с кистями, вокруг стулья, сбоку от актеров диван с подушками-валиками. За столом сидит Людмила она постарела, волосы с сильной проседью, очки. Людмила смотрит журнал, который лежит перед ней, переворачивает страницы, читает, что-то говорит про себя, хмыкает. Входит мужчина, куртка нараспашку, волосы растрепаны, очки сдвинуты на кончик носа, это тот самый человек, который разговаривал с Людмилой под уличным фонарем. Он тоже постарел, но движения остались живыми, юношескими, порывистыми.

Мужчина: А почему, позвольте осведомиться, у Вас входная дверь нараспашку? Вы ждете гостей?

Людмила резко оборачивается, вскакивает, бросается к вошедшему, обнимает.

Людмила: Господи, Кронид, откуда ты взялся?

Кронид: Из самого дальнего места, отовсюду! ⁽⁷¹⁾. Ты так увлеклась (кивает на журнал на столе), что-то интересное?

Людмила: Интересное... «Time», Бог с ним, сейчас чайник поставлю..., так откуда?

Кронид: Из Барселоны... Двери-то закрой...

Людмила: Не буду, Юлечка и Дина должны прийти ..., работал?

Кронид: Отдыхал...

Людмила: Садись, я сейчас...

Входит, гремит посудой, голос Людмилы:

- И, как Барселона?

Кронид: Какие там кафе! А вино какое! Ой, Людочка, а хамон! Я тебе клянусь, я так напробоваюсь, еле до дому довели! (Смеется). Испанское вино опасное, догоняет!

Людмила смеется. Кронид подходит к столу, снимает куртку, вешает на спинку одного из стульев, отодвигает его, садится, берет журнал, переворачивает страницы, закрывает.

Секунду сидит неподвижно, уставившись на обложку. Входит Людмила с чайным подносом в руках, подходит к столу, ставит поднос.

Людмила (кивает на обложку): Нравится?

Кронид (машинально): Более чем...

Людмила наливает чай, придвигает гостю чашку.

Людмила: Ради красного словца... Пей чай.

Кронид: Там ничего не меняется ... Хотя империей зла назови, только в печь не суй...

Людмила (спокойно): Меняется...

Кронид: Почему ты так решила?

Людмила: Последнее действие фарса разыгрывается, дальше уже некуда. Ты «Время» смотришь?

Кронид: Конечно.

Людмила: Видел лица? «Чтоб не бредить палачам по ночам...»

Кронид: Люда, он страшнее их всех (кивает на обложку). Умный, изощренный..., пожалуй, даже более изощренный, чем Сталин.

Людмила: Победитель-ученик? Только в Европах и США это понимают от силы человек тридцать-сорок... В конечном итоге их интересуется только ядерная или водородная бомба у СССР. А большинству ...

Кронид: Хочешь сказать, наплевать...

Людмила отпивает из чашки, кивает.

Людмила: И всегда было так. А Рейган ли с Андроповым на обложке, или Гитлер с Муссолини..., Гитлер, кстати, и был, в тридцать восьмом, кажется, и Сталин был, аж два раза ...

Кронид: Полагаешь, что это констатация популярности политика?

Людмила (пожимая плечами): Американцы помешаны на этом. Это, как у нас «партия – ум, честь и совесть нашей эпохи», форма, не более...

Кронид (улыбаясь): А более?

Людмила: Более... (задумывается)

Кронид: Давай, развивай, ты у нас самый блестящий аналитик.

Людмила протянула руку, потрепала Кронида по волосам.

Людмила: Пижон и комплиментщик...

Кронид (со смехом): Похоже на алиментщик.

Смеются.

Людмила: Я, знаешь, что вспомнила:

- Старики управляют миром,

Суется, как злые мыши,

Им по справке, выданной МИДом,

От семидесяти и выше.

Кронид:

- Им важнее, где рваться минам,

Им важнее, где быть границам...

Старики управляют миром,
Только им по ночам не спится ⁽⁷²⁾.

Людмила: Я все время думаю о том, что у нас все по кругу.

Кронид: В Союзе?

Людмила: И в Союзе тоже... Сначала диктатура, потом революция, светлые надежды и эйфория, а потом реакция... Обязательно реакция. Просто так не можем... Моисей сколько народ по пустыне водил? То-то!

Кронид (удивленно): От кого угодно только не от тебя!

Людмила: Почему? Сам говоришь – аналитик, вот и анализирую.

Кронид берет в руки журнал, рассматривает обложку.

Кронид: Мрачноватая перспектива

Людмила: Реальная... Помнишь, как в школе говорили «верхи не могут, низы не хотят».

Низы-то не хотят, но они вообще плохо понимаю, чего хотят, кроме хлеба и зрелищ...

Человеческая психология не изменилась со времен Нерона... «Кесарю-кесарево»

Кронид: А мы?

Людмила: А нас, дай Бог, чтобы хоть кто-то услышал... Тем более, любой кесарь постарается заткнуть нам рот.

Затемнение.

...« как живете, караси» ⁽⁵⁸⁾ – строчка из детского стихотворения В.П. Катаев. «Радиожираф», затем эта строчка была использована А. А. Галичем в стихотворении-песне «Желание славы»

...**Преображенских и Борменталей** ⁽⁵⁹⁾ – герои повести М.А. Булгакова «Собачье сердце»
«**Каждая собака прыгает, как безумная, когда ее спустишь с цепи, а потом сама бежит в конуру**» ⁽⁶⁰⁾ – цитата из пьесы Е.Л. Шварца «Дракон»

... **а, кто такой Львов?** ⁽⁶¹⁾ – Д. С. Львов (2 февраля 1930, Москва — 6 июля 2007, Москва) – российский экономист, член-корреспондент АН СССР (1987), академик Российской академии наук (1994), академик-секретарь Отделения экономики РАН (1996—2002).

- **Для вас, души моей царицы...** ⁽⁶²⁾ – начальные строфы из вступления к поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила»

- **Саша и Валера собираются митинговать** ⁽⁶³⁾ – митинг в защиту Ю. Даниэля и А. Синявского, проведённый диссидентами и сочувствующими 5 декабря 1965 года на Пушкинской площади в Москве. Организаторами митинга были математик Александр Есенинын-Вольпин, физик Валерий Никольский, художник Юрий Титов и его жена Елена Строева. Участвовали Юрий Галансков, Владимир Буковский, студенты, литераторы.

.... **это не стихи читать на маяковке...** ⁽⁶⁴⁾ – с 1958 г., по свидетельству В.К. Буковского на площади Маяковского собирались молодые люди, читали стихи знакомились, «все, кому надоело бояться». В 1961 г. собрания поэтов были разогнаны КГБ.

- **Требуют более жесткого приговора Синявскому и Даниэлю, этим «семерым» с Лобного...** ⁽⁶⁵⁾ – процесс А. Синявского и Ю. Даниэля, «семеро», «демонстрация семерых» – 25 августа 1968 года была проведена группой из семи советских диссидентов на Красной площади и выражала протест против введения в Чехословакию войск СССР и других стран Варшавского договора, произведённого в ночь с 20 на 21 августа для пресечения общественно-политических реформ в Чехословакии, получивших название «Пражской

весны». «Семеро»: Константин Бабицкий, Татьяна Баева, Лариса Богораз, Наталья Горбаневская, Вадим Делоне, Владимир Дремлюга, Павел Литвинов и Виктор Файнберг.

- **Про деятельность Орлова, Алексеевой, Сахарова известно** ⁽⁶⁶⁾... - члены МХГ. 1976 году у Юрий Орлов, Андрей Амальрик, Валентин Турчин, Анатолий (Натан) Щаранский создали группу для сбора информации о нарушении прав человека в различных странах (прежде всего в СССР) и информировании правительств стран — участниц Хельсинкских соглашений. Группа получила название «Общественная группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР» (ныне — Московская Хельсинкская группа (МХГ)) и ограничила свою деятельность территорией СССР. О её создании было объявлено на пресс-конференции, которая была проведена в московской квартире академика Андрея Сахарова 12 мая 1976 г. Первый состав МХГ: Юрий Орлов, Людмила Алексеева, Михаил Бернштам, Елена Боннэр, Александр Гинзбург, Пётр Григоренко, Александр Корчак, Мальва Ланда, Анатолий Марченко, Виталий Рубин, Анатолий Щаранский.

- **Я помню, как при Владимире Ефимовиче** ⁽⁶⁷⁾ – В.Е. Семичастный (15 января 1924 года, село Григорьевка, Межевский район Екатеринославская губерния - 12 января 2001 года, г. Москва) — советский партийный и государственный деятель. Председатель Комитета государственной безопасности СССР (1961—1967), генерал-полковник. Предшественник Ю.В. Андропова.

- **А, если Щелоковский** ⁽⁶⁸⁾ - Н.А. Щёлоков (13 (26) ноября 1910 года, станция Алмазная (ныне город Алмазная Луганская область), Бахмутский уезд, Екатеринославская губерния, Российская империя — 13 декабря 1984 года, г. Москва, СССР) — советский государственный деятель. Министр внутренних дел СССР, генерал армии (10 сентября 1976, лишён звания 6 ноября 1984).

... **пятого управления** ⁽⁶⁹⁾ - пятое управление КГБ СССР — структурное подразделение КГБ СССР, ответственное за контрразведывательную работу по борьбе с идеологическими диверсиями противника. В компетенцию управления входили: розыск авторов анонимных антисоветских документов и листовок, проверка сигналов о фактах терроризма, помощь местным органам госбезопасности по предотвращению массовых антиобщественных проявлений.

... **второй «Дунай»** ⁽⁷⁰⁾ - ввод войск в Чехословакию (1968), также известный как операция «Дунай» или Вторжение в Чехословакию — ввод войск Варшавского договора (кроме Румынии) в Чехословакию, начавшийся 21 августа 1968 года и положивший конец реформам Пражской весны.

- **Из самого дальнего места, отовсюду!** ⁽⁷¹⁾ – лагерное выражение, по которому распознавали тех, кто отбыл срок в сталинских лагерях.

«**Старик управляют миром**» ⁽⁷²⁾ – строфы из «Неоконченной песни» А.А. Галича, 1964г.

В новелле использованы фрагменты из:

стихотворения В.С. Высоцкого «Мой Гамлет»

поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила»

«Неоконченной песни», «Плясовая» А.А. Галича

Материалы с сайтов: <http://www.novpol.ru>, <http://imwerden.de>

Материалы из «Википедии» - свободной энциклопедии

Новелла пятая

«... и распятый над кругом висел»

Действующие лица:

Саша

Виктор

Картина I

Квартира Виктора. Виктор стоит посреди авансены. Саша полулежит в отодвинутом от стола кресле, делает вид, что спит, даже очень натурально всхрапывает.

Виктор: Слушай, харэ! А то я всерьез разозлюсь и обижусь, ты мне не ответил!

Саша (открывает глаза): Как девочка... Я тебе ответил...

Виктор: Значит, я тупой! Отвечай еще!

Саша встает, подходит к Виктору.

Саша: За базар, типа, ответишь... Перестань... Скучно...

Внимательно смотрит Виктору в глаза. Отходит, снова садится в кресло.

Саша: Ты, смотри, не ожидал, что ты заведешься всерьез...

Виктор подходит к креслу, наклоняется над Сашей.

Виктор: Да... Вот, представь себе, и тебе действительно придется ответить..., по пунктам, и так, чтобы я понял...

Саша отодвигает Виктора, встает с кресла делает несколько шагов по авансене.

Саша: Ладно, черт с тобой, отвечу, даже рискуя поспорить насмерть! Тебя больше всего задело, что я тебя сталинистом назвал?

Виктор: Да!

Саша: Хорошо... А, скажи мне..., только честно, ты испытываешь удовлетворение, когда тебя боятся?

Виктор: Саха, иди знаешь куда?! Я хочу прямого и конкретного ответа, а не фрейдовской бредятины!

Саша становится напротив Виктора. Они стоят так, словно собираются стреляться, это и комично, и жутковато.

Саша (подчеркнуто спокойно): А я прямо и конкретно... Тебе нравится, когда тебя кто-то боится?

Виктор (пожимает плечами): Смотря кто и когда... Если друг, то, нет, а, если гопник в подворотне, то, да.

Саша: Вот!

Виктор (раздраженно): Дали ему год! Что вот-то?!

Саша: Тебе не то, чтобы нравится, но ты привык, что нужно кого-то держать в страхе... Под жестким давлением, затыкать, гнобить, даже с женщиной надо вести себя именно так, а то уважать не будет, да?

Виктор усмехнулся, взъерошил волосы, обмяк. Отошел, сел у стола.

Виктор: Ой, я думал, ты всерьез, а ты... твои вечные рассуждансы про ненасилие, право выбора...

Виктор махнул рукой, налил себе, выпил.

Виктор: Ты предупреждай в следующий раз...

Саша стоит там, где стоял, покачиваясь с носка на пятку.

Саша: Не совсем... Я потому тебя назвал сталинистом, что тебе совершенно безразлично из-за чего страну, в которой ты живешь, и людей к которым ты привык, как к фону, боятся во всем остальном человеческом пространстве... Плевать, что все это уже было когда-то ... Ну, и хрен с ними, пусть теперь опять побоятся того же самого... А, что из-за этого уже выросло целое поколение дебилов...

Виктор (спокойно): Потребителей, Саш, только потребителей, которые пока сами себя до полного искоренения не потребят, не остановятся.

Саша подходит к Виктору.

Саша: И ты так об этом говоришь, как будто это нормально, так и быть должно!

Виктор: А, что я должен делать? Трубить в трубы и бить в барабаны? Что изменится?

Саша садится в свое кресло.

Саша: В принципе ничего, конечно..., только, если ты, я, еще человек цать-надцать будут вести себя не так, как все привыкли, изменится...

Виктор (зевая): Утопия, Сашуня... Вели и не единожды, толку?

Саша (горячо): Поэтому и вели, понимаешь?!

Виктор: Не понимаю и понимать не хочу... Я хочу прожить спокойно и умереть в своей постели, а не в камере или на баррикаде, и все... Это желание любого нормального человека.

Саша: Потребителя...

Виктор: Если угодно (кланяется), на это я согласный.

Саша садится на край кресла.

Саша (с нажимом): Вить, я не пойму, ты притворяешься, или всерьез?

Виктор: Всерьез... Давай совсем всерьез, что я или ты можем сделать, на мировом уровне? Что ты предлагаешь? Блоги писать и обличать режим? Без нас хватает... С ножом на паровоз? Я этого делать не буду, я не герой...

Саша: Не соглашаться хотя бы...

Виктор: А мне и так не дует... Я тебе еще знаешь..., скажу, мне все это обрыдло, плевать, скучно...

Саша встает. Поворачивается к Виктору спиной. Подходит к столу, берет пульт, направляет его на экран, начинает щелкать кнопками.

Виктор: Судя по твоему поведению, я разочаровал лучшего друга...

Саша (не оборачиваясь): Нет... Мне бы хотелось узнать, что ты скажешь про этот разговор лет через пять.

Продолжает щелкать кнопками.

Виктор: Долговато.

Саша: Хорошо, через три...

Саша находит программу. В комнату врывается голос Высоцкого:

- Как ржанет коренной! Я смирил его ласковым словом,
Да репы из мочал еле выдрал и гриву заплел.

Седовласый старик слишком долго возился с засовом -
И кряхтел и ворчал, и не смог отворить - и ушел.

И измученный люд не издал ни единого стога,
Лишь на корточки вдруг с онемевших колен пересел.
Здесь малина, братва,- нас встречают малиновым звоном!
Все вернулось на круг, и распятый над кругом висел.

Конец.
Занавес.

В новелле использован:
Фрагмент стихотворения В.С. Высоцкого « Райские яблоки»